

СМЕНА

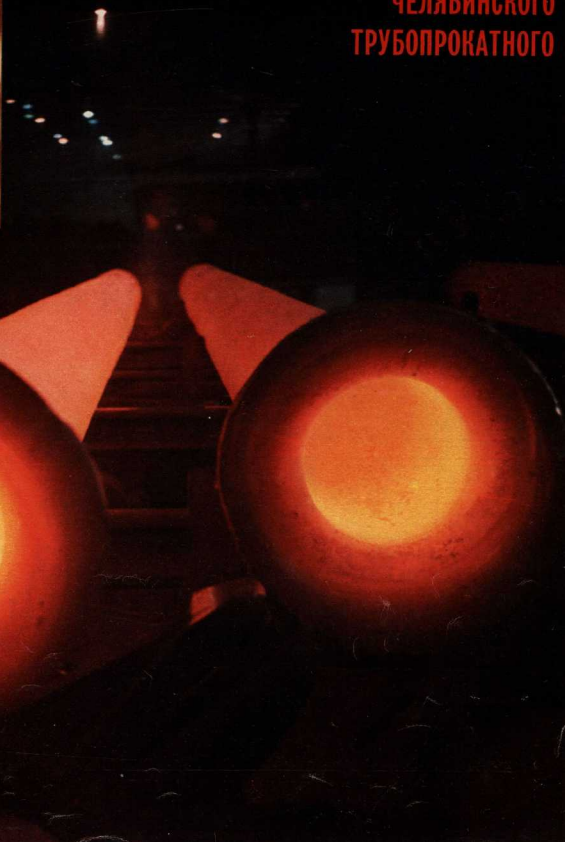
№ 7 АПРЕЛЬ 1974

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

ПЯТИЛЕТКА-ЗАВОД-ЧЕЛОВЕК

ПОВЕСТВОВАНИЕ О ЛЮДЯХ
ЧЕЛЯБИНСКОГО
ТРУБОПРОКАТНОГО

Центральный Комитет КПСС
 выражает уверенность, что наш
 героический рабочий класс —
 ведущая сила
 советского общества,
 инженеры, техники и конструкторы,
 все работники индустрии
 и впредь будут идти
 в авангарде всенародного
 социалистического соревнования
 за досрочное выполнение
 намеченных планов,
 воплотят в конкретные дела
 свои силы, знания, опыт и вновь,
 как всегда, покажут пример
 высокой сознательности,
 организованности, деловитости.

Из Обращения Центрального Комитета КПСС
 к партии, к советскому народу .

С директором
 ордена Ленина Челябинского
 трубопрокатного завода,
 Героєм
 Социалистического Труда,
 лауреатом Ленинской
 и Государственных премий,
 депутатом
 Верховного Совета РСФСР
 Яковом
 Павловичем
 ОСАДЧИМ
 беседует
 специальный корреспондент
 «Смена»
 Юрий КАЛЕЩУК

Советское Информбюро в этот день сообщило: «В течение ночи наши войска вели бой с противником в районе Сталинграда и в районе Моздока... В районе Сталинграда бойцы И-ской части отбили несколько атак и отбросили противника на исходные рубежи. В районе Моздока наши части отбили атаку противника и улучшили свои позиции...»

Через месяц наши войска перейдут в контрнаступление, которое приведет их к великой победе.

Но одна победа была одержана уже в этот день, далеко от Сталинграда и Моздока, за Волгой, на окраине большого уральского города.

Через окно печи на роллинг скользя первая чельза и поплыла по цеху, озаряя багровым пламенем ошалевшие от бессонницы, счастливые лица людей... Челябинский трубопрокатный завод вступил в строй; первая его продукция — авиабомбы.

Было 20 октября 1942 года. Через два дня Осадчему исполнится сорок один год; в биографии директора Первоуральского новотру-

боного завода (сын грузчика, коногон, строитель Днепротреста, выпускник Промышленной) это был будничнейший день войны; очередная тысяча металлических стволков; через четырнадцать лет он придет в Челябинск директором трубопрокатного, и биография Осадчего станет неотделима от истории монолодного завода.

К 1956 году завод вырос, окреп, это было надежное предприятие, основанное десятью видами мирной продукции — от котельных труб до металлических кроватей; но все еще только начиналось...

Самолетор, Уренгой, Надым были для нас тогда малоизвестными географическими названиями; нефти мы добывали в шесть раз меньше, чем сейчас. Бузара и Урал, как и сегодня, были разделены двумя тысячами километров и еще не объединились в одно словосочетание, скрепленные стальными нитями труб, героическим трудом и бескорыстной дружбой; анногче из строителей нефтепровода Самолетор — Альметьевск еще учились ходить, а некоторым только предстояло родиться.

Все еще предстояло...

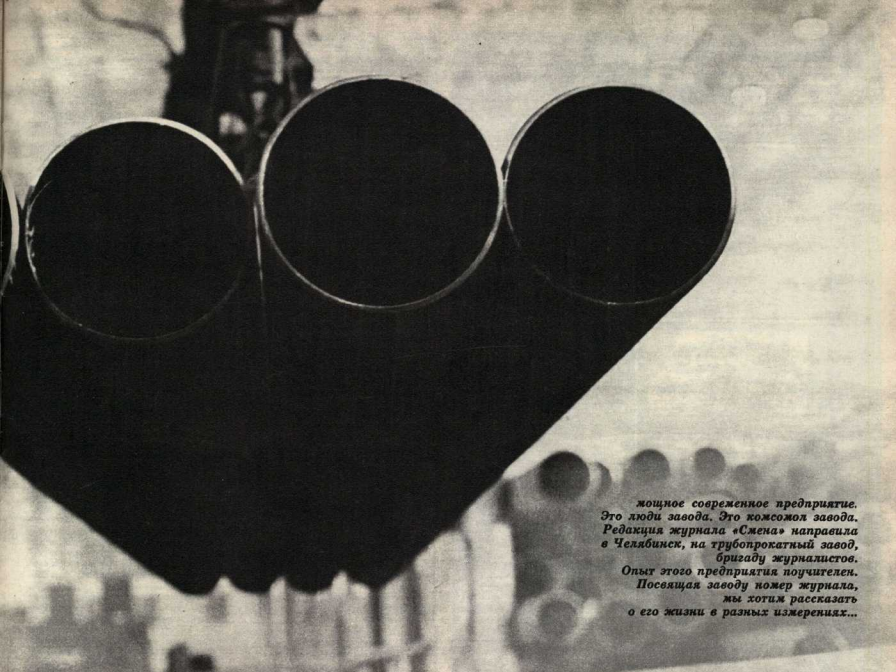
Три миллиона стальных труб в год. Миллион тонн прироста в последние восемь лет — за счет реконструкции, внедрения автоматизации, совершенных технологических решений. Тысячи километров магистральных нефте- и газопроводов. Десятки зарубежных стран, куда идет продукция с маркой «ЧТПЗ». Это Челябинский трубопрокатный завод.

МАШИНЫ

В 1956 году вступила в строй первая очередь трубоэлектросварочного цеха, и он стал основной базой строительства магистральных нефте- и газопроводов.

Он казался почти совершенством, этот цех, с иголкой, современный, мощный.

Новый директор начал с его реконструкции. «О будущем надо думать, реальному будущему». Два пролета под стельку двенадцатиметровых труб — замеч! Вагонов такой длины нет, планировать под них выпуск труб несурьазно. Лучше увеличить мощность прессы, подготовить вторую формовочную линию... Тысячи километров трубопроводов уже стали реальной необходимостью, пора подумать об увеличении диаметра труб. Потом был 62-й год, сминдая в бундестаге, эьбарго на поставку труб и срочное задание правительства Челябинскому трубопрокатному. Трубоуладчики на трассе Бузара — Урал не остановились ни на шаг. Челябинские трубы диаметром 1 020 миллиметров легли на этой трассе. И как помогла сбегречь दिन, недели, месяцы на первая реконструкция трубоэлектросварочного цеха...

мощное современное предприятие. Это люди завода. Это комсомол завода. Редакция журнала «Смена» направила в Челябинск, на трубопрокатный завод, бригаду журналистов. Опыт этого предприятия поучителен. Посвящая заводу номер журнала, мы хотим рассказать о его жизни в разных измерениях...

НЕ ПРИДЕТ САМО

ИДЕТ ПЛАНЕРКА. ВЫСТУПАЕТ ДИРЕКТОР ЗАВОДА Я. П. ОСАДЧИЙ.

И сегодня, когда Челябинский трубопрокатный стал крупнейшим в стране заводом по производству стальных труб, реконструкция действующих цехов на базе новейших достижений науки и техники, значительный прирост продукции без больших капитальных затрат — главная и повседневная его задача.

— Нет, пожалуй, главное — дать человеку возможность доказать себе и другим, на что он способен. Реконструкция позволяет увеличить выход продукции, оставляя число работающих неизменным. Но это не просто число, не абстрактная цифра: была тысяча — осталась тысяча. Это те же люди, они вложили в завод часть себя, и завод врос в них всем своим существом. Работать с одними и теми же людьми, наблюдать их рост, развитие не только интересно, но и плодотворно.

— Рост квалификации!
— Не только. Общее развитие, раскрытие личности.
Реконструкция — стихия Осадчего, поле сбывающихся предвидений, научных расчетов. Может, потому он заговорил о ней категориями философскими, хотя науку эту как будто не

Пролетарии всех стран, соединитесь!

смена

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года
Выходит два раза в месяц

№ 7 (1123)
АПРЕЛЬ
1974

НАША ОБЛОЖКА: ЧЕЛДВИНСКИЙ ТРУБОПРОКАТНИК МОЛОД, БУДЬ ЧУТЬ БОЛЬШЕ ТРИДЦАТИ ЛЕТ. ЭТО МОЩНОЕ СОВРЕМЕННОЕ ПРЕДПРИЯТИЕ.

Челдвинский трубопрокатник молодой, будь чуть больше тридцати лет. Это мощное современное предприятие.

4
КОМСОМОЛЫЦЫ —
БЕСПОКОЙНЫЕ
СЕРДЦА.
Очерк.

8
Наука: социология,
СВОБОДНОЕ ВРЕМЯ.

22
АЛЕКСАНДР
РУСАКОВ —
ДЕЛЕГАТ
XVII СЪЕЗДА ВЛКСМ.

34
Рабочая трибуна
«Смена».
РЕКОНСТРУКЦИЯ.
Выступление мастера
Евгения ФЕДУКИНА.

НОМЕР ПОДГОТОВЛЕН ВЪЕЗДНОЙ БРИГАДОЙ «СМЕНА» В СОСТАВЕ: СЕРГЕЙ АБРАМОВ, АЛЕГОРИИ БАРАНОВ, ЮРИЙ КАЛЕШУК, НИКОЛАЙ КОТЕНКО, СЕРГЕЙ ПЕТРУХИΝ, ДМИТРИЙ ПИЩАКОВ, СЕРГЕЙ СМОРОДИН, ЛИНА ТАРХОВА. ВСЕ ФОТОГРАФИИ В НОМЕРЕ СДЕЛАНЫ СЕРГЕЕМ ПЕТРУХИНЫМ.

СЛЕДУЮЩИЙ НОМЕР ПОСВЯЩЕН XVII СЪЕЗДУ ВЛКСМ

Главный редактор А. Д. ГОЛУБЕВ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕКТИВА: В. С. Абашин, Г. П. Евсеев, А. П. Кулешов, А. А. Лихов (ответственный секретарь), В. В. Луцкий (заместитель главного редактора), В. П. Голубовцев, Р. И. Ромодановский, Е. И. Рыбин, Г. В. Семёнов, А. П. Серёва, С. С. Смирнов, А. Б. Стулов (главный художник)

Художник Г. С. Терзибашиянц Технический редактор Н. И. Будкин

жалует. Но принимать как данность, неизменяемую во всех изменениях, неизречимую дилемму между гуманитарными все же не стоит. Когда потребовалось усовершенствовать пути управления автоматическими линиями, завод пригласил механиков-наладчиков, конструкторов, а социологов и физиологов. Те выяснили, что оборудоване пульты не соответствует ни антропометрическим параметрам, ни биологическим условиям, ни психофизиологическим факторам восприятия и переработки сигналов... выяснили и дали свои рекомендации.

С одной стороны, завод каждый день ставит перед человеком новые сложные задачи, требует мобилизации всех его ресурсов, а значит, заставляет совершенствовать мастерство; с другой стороны, завод растёт, крепнет, помогает человеку решать его бытовые вопросы (квартира, если и трудно, расширяет возможности проведения досуга, раздвигает границы свободного времени, а значит, и горизонты его духовной жизни. Тысяча человек у нас на заводе имеет личные планы-обязательства; тысячи рабочих принимают участие в постоянно действующих производственных совещаниях, обсуждая самые разнообразные вопросы — от реконструкции стана «102Б» для выпуска труб диаметром 1 220 миллиметров до планов социального развития коллектива, от подготовки завода к работе зимой до повышения общеобразовательного и технического уровня знаний...

Скажите, изменился ли за годы, проведенные на заводе, тематика ваших привычных дней по личным вопросам!

Прежде я мог беззастенчиво определить: если в кабинет вошел мужчина — значит, пойдет речь о заработной плате — о слове «Зарплата» с различными предложениями и замечаниями о тоне, скажем, взаимоотношений рабочего и мастера. Повысилось самоуважение людей, самосознание...

В цехе бесшовных труб последний четверг каждого месяца — день музыки. Почетный член одной из бригад — заслуженный артист республики «Валентина и Валентина» недавно там выступал. При мне мастер подтыпался у молоденького рабочего, когда тот был в театре и что смотрел. Третьежелтый быль сцены. Осачдин, услышав об этом, рассмеялся: «А сразу не видел. Но у нас так поставлено: мастер не только за производством отвечает, но и за учебу, за то, что люди читают, смотрят...»

Но интерес к личности все-таки остается производственным: вы стараетесь сделать каждого настоящим рабочим, патристом завода — отсюда и такой завет: дальнейший рост производства. Считается, что на производительность труда может повлиять и другой обод, и неуважительная реплика в разговор, и проигрыш вольной команды, и неуловность цеха...

Культура производства нередко понимается внешне: цветы в цехах, разноцветные стены, ажурные организации работы, чистота отношений между людьми. А культура отношений зависит от культуры людей — личностный этот фактор или производственный, не важно, только я знаю, что это работа, работа посвященная. Когда мы поставили перед собой задачу перевести все станы и мартены на часовую график работы, это воспринималось как усталость, фантазия. Начался следующий этап: дальнейшей обработки, подгонки. Код выполняемых планов на заводе ходят под непрерывным автоматическим контролем производственного процесса: очередная труба — идет сигнал в

заполняемые устройством системы, а затем и прочит диспетчерского контроля; лампы световой сигнализации позволяют мгновенно определить, где произошла остановка, специальный процесс запоминания, сколько времени выключается между прочим, все эта система воспринимается некоторыми работниками как «орудие слепого контроля». Ведь как случалось — приходил некорректно мастер. Простая 950 тонн труб за смену, а норма — 1 000. «Для ровности счета» пишет — 1 025. В результате путаница в отчете. Теперь все как на ладони. Только для одного слепого контроля не стоило и городородить. Появилась возможность оперативно вмешиваться в производственный процесс, принимать решение эффективнее, окрепла взаимосвязь не только между производственными участками — между людьми. Опять производственный фактор! Или человеческий?

Разрабатывали эту систему заводские инженеры и конструкторы в сотрудничестве с рядом научно-исследовательских институтов и лабораторий черной металлургии, автоматизации, телемеханики. Связь завода с наукой, особенно с Днепропетровским ВНИИТ, Институтом электротехники им. П. Е. Фадеева, Института физики атмосферы, неравущая. Сын Осачдина, тоже трубкин, доктор наук, вместе с отцом участвовал в той памятной реконструкции трубеллектроавтоматизированного, за созданием широкого внедряются новые технологические процессы и высокопроизводительных станков для производства горячекатаных труб тудостоем Государственным предприятием. На заводе удивительно быстро росли люди. Момент был, оттого, что всегда ставили перед собой задачи высшей категории трудности! Молодой начальник цеха, директор цеха Игорь Усачев, прославившийся во время битвы за трубу «102Б», уже давно директор Сувальского трубного завода, командир цеха, а теперь, наверное, становится осемью 42-го на строительной площадке пилгримного стана, не мешавший тогда ни специальности, ни достижению, прошел путь квалифицированного мастера до начальника цеха, который когда-то строил, заочно закончил институт.

Я бы мог назвать десятки имен. Рабочие, мастера... Для черной металлургии вообще характерен высокий уровень творческого отдачи каждого работника. Не случайно все прирост объемов производства по черной металлургии достигается за счет повышения производительности труда, без увеличения численности персонала. Нормы выработки у нас определяются с большой точностью, исходя из мощностей агрегатов, сортамента продукции. Точно работа выполняется, задания выполняются на 102 — 105 процентов. Чтобы повысить этот процент, ой-как приходится поработать! И рукам и головею.

Очевидно, выполнение научно обоснованных планов и обязательств требует от работников, особенно от руководителей любого ранга, точного знания и выполнения своего мандата.

Каждый должен отвечать за свой участок работы. Каждый. От этого зависит общий успех. Ведь мы соревнуемся не за место, а за дело. За дело.

Начальник одного из цехов говорит мне: главное, чего вы требуете от них... самостоятельность в решении.

Не только от них.

— Момент был, потому у вас на заводе так стабильно работают кадры среднего руководящего звена!

— У нас есть начальники цехов с

такой хвостик, такой зручидчик, что только завидую...

— Придется тутиться!

— Конечно! Руководитель, если он хочет быть настоящим руководителем, должен всегда зтнуждаться, накаливать новые знания, идти вперед. Много бы я стоил, если бы до сих пор потривался Бугаево, послушником в Промкадминистрации. Вот говорят: «У Осадчего интуиция». Не спорю, но только любая интуиция должна быть подкреплена научным расчетом, инженерной мыслью.

В повести «Сквозь осенние облака», которую Марк Эльяш и Геннадий Тарасуев посвящают С. П. Осадческому, такой эпизод:

«В тот день был праздник — сдавали отчеты очередь станций на Дне-прогост приезжали Калинин и Орджоникидзе.

Серго энергично бороздила стройку во всех направлениях и, улыбаясь в угол, находил для каждого теплого слова.

Когда вручали награды, он обнял Осадчего за плечи, сказал:

— Молодец. Настоящий, уважаемый нами людей ты собрал на стройке. Ты-архитектор Осадчий — по плечу его и Калинин! — Теперь ты очередь — не прозавей.

Холодок вдруг прихлынул к сердцу, когда Калинин взял коробочку с наградами и открыл ее.

— Теперь, народик! — полуборзнулся и Орджоникидзе, выдохнул Осадчий. — Прощай у меня к вам и к товарищу Калинин. Не давайте мне отдыхать... Внести сюда пошлите лучших бригад заветных. Я ведь до семнадцати лет конгоного работаю. А там известно какое образование — двуязычное.

Калинин наконец отпустил руку Осадчий. Серго Бугаево и ухватившим пальцем разглазнил усы.

— Так какое будет наше решение, Михаил Иванович! — вдруг спросил он.

Калинин снова взял коробочку и держал ее теперь на ладони.

— А вот что, голубчик! — обратился он к Осадчему, и глаза его за стеклами пенсне по-калнински добро-родно и понимающе улыбаясь... Будет вам и орден, будет и... диплом. Орджоникидзе тоже улыбаясь.

— Желание есть — обязательно будет. У тебя, друг ты мой, жизнь только начинается. В ней обязательно хорошего много будет. Обязательно. Все будет...»

Именно в это в его жизни — неустанная работа, неустанная учеба. Все остается, все есть...

— Мне кажется, сами обстоятельства, в которых родился, рас и мучил заставили инженерную мыслью, творческую мысль рабочего. Вспомнить хотя бы историю пилгримского стана, с которого начинался завод. Из Мариуполя его вывели, когда на завод уже везли импортные автоматы. Вагонов двадцать с оборудованием так и не дошло до места назначения. Решение принадлежало некому из местных — и сейчас не...

...но стан заработал. Работает он и сейчас. И по-прежнему без калибровочного стана — тот так и стнулся в бороздочку войны, хотя как будто гордится тут особенно ничем...

...мы выпущаем на этом стане трубы с отступлением от ГОСТа... я первым делом горнису: работать в таких условиях и так долго пути для повышения качества продукции могут только по-настоящему смелые, инициативные люди.

— Наверное, романтическая история нашего завода особенно дорога комсомольцам!

— Комсомол, как и положено, всегда был в первых рядах — и в годы

строительства и в период реконструкции... Не знаю, что сейчас находится какой-то след, но я жду от комсомольцев завода большего. Нужно выбирать деле покруче, расти до них. Я предлагал сделать целиком комсомольским цех холодильного производства, современного, перспективного цеха. Что-то моя инициатива встречного энтузиазма не вызвала...

Эту озобаченность Осадчий высказывает не впервые.

Работая на заводе городской школы первого опыта, обсуждая проблемы повышения производительности труда на каждом рабочем месте, Выступил Осадчий, рассказал о характере производства, о достижениях и проблемах, а закончил упрелками: мало поисков, мало горячности в спорах, мало упорства в отстаивании своей точки зрения. «Ведь теперь у вас все условия есть — и для работы и для отдыха. Дворец спорта, кружок, библиотеки... Будьте в себе энергичнее. Тянитесь до предела, ищите послушания. Воспитывайте в себе смелость...»

Осадчий перечислил только часть того, чем располагает завод, чем по-мощает заводу человеку. Но и эта часть выделена не случайно. Особенно в сопоставлении с трудным началом, тяжелыми последующими годами. Вот приказы главного директора завода, первый такого рода документ на Челябинском трубопрокатном:

«В целях создания условий для проведения физкультурной работы и культурного отдыха трудящихся приказываю:

1. Построить по берегу озера Симоновского парковку при катке на 30 — 40 человек.

2. Приобрести к 25/ХІ—1946 года 8 штук телеграфных столбов для освещения катка.

3. Установить 8 столбов, 4 прожектора и осветительный прибор к катку.

К 1 декабря 1946 года наметать дорожку для катания детей и залить водой, сделать сказки и столб для карусели...»

Такие были тогда времена: это были времена, когда завод, все, чем располагал завод. Понятия озабоченности сегодняшнего директора: теперь, когда завод дает людям все или почти все, директор хочет, чтобы и люди отдавали заводу почти все или все.

— Для меня человек прежде всего интересен делом. Если, конечно, это его дело.

В 1934 году, после шестнадцати лет работы в Мариуполе, Осадчий назначили заместителем министра черной металлургии Украины. Но на день не мог успокоиться — не оставляла мысль, что эта работа, несмотря на все ее сложность, ответственность, не улаживающую его натуры, не его дело...

Он писал заявление за заявлением и в конце концов получил назначение директором трубопрокатного.

Сейчас директору 72 года. Его за-вуду — 31.

— А вам никогда не приходилось сомневаться в себе!

— У меня на это права нет. Я не только за себя и не только перед собой.

— Не человека можно удеривать от какого-то дела как раз его сложность, опасение совершить ошибку, боязнь последствий этой ошибки...

— Последствия тут один: допустил ошибку — исправляй, исправляй сам. У нас на заводе так поставлено, я же говорил: человеку надо дать возможность проявить себя до конца. А работать вспония, жить впопону — это не человек, а дурачок надо думать, о будущем, а оно, как говорил комсомольский поэт, не придет само.

Валентин ЧИСТЯКОВ,
слесарь

Владимир ШАХМАТОВ,
начальник смены мартевского цеха

*

Гудящий цех
Расправив плечи,
Металл в излопачки плеснул,
И замер у горячей речки
Плечи почетным карулу.

Где возле пульты,
Словом маршал,
С лица стонял пот и жар,
Упрямю в будущее наше
Смотрел скупящийся ставелар.

В пейзаж он вписываясь броско,
И в замывалах всережь,
Что он расплывающую роскошь,
Как золотые звезды, нес.

*

Когда кукушки вечер позовут,
О чем-то
Сварож джонжон предвещая,
Ковком ладонь опущу в траву
И напою тебя я
Иван-челас.

Чтоб угелас
Неуюная печаль
Моей души,
Распластанной, как птица,
И будет долго в твое плече
Родимый луг
Знакомый запах литься.

И будут сосны
Уходить ко тыму,
Как девушки, озолованно и тихо.
И я
Впервее с трепетом пойму
Значение кукушечьего крика.

*

Дин проходит за дням,
Как листья, срываясь и падая,
И висит между нами
Какая-то странная радуга,

Где врываются солнца
Щенками разбойно-кудальным...
У ту страную полочку —
Зачем и куда ты!

То ли снаю, то ли явью
Окутанно злое предчувствие.
То ли соню, то ли саван
Кружит над черным брусьям.

Я стою и не знаю,
Зачем эта позидия радуга,
Или оделась
Соню за растопию год бы.

Дед

...Он приходил устал с пуга,
И дель, крякля, на сеновал,
И подкованный подругой,
Как древней вони, засыпая.

Ему, наверно, силмись ливин
И далеко за синей глыбой
Коней разламывае гривы
Над водопойною тропкой...

И мне,
С кашаческою явью,
Как бьло, с котормо светлой,
Он целодуременно оставил
Шестую часть планеты всей,

Где между утренних разливов
Все камуток за синей глыбой
Коней разламывае гривы
Над водопойною тропкой.

*

Считая так —
мир собран в красных датах,
Не ведал я, что, как им строня слова,
Стихи о мире — это то солдатах
Отобранные планеты слова!

Мы все в труде; память облик
и краше,
Но, что она не знала страшных
дней,

Стихи о мире — это память наша
Об узниках фашистских лагерей...

*

Еще не спал зимы последний снег,
И вечерем ливни рвутся с хрустом,
А в ночь, мстивовавшись по весне,
Проляпис первая дождь

над Златоустом!
Начало встреч всеи и тепла,
Сплетенье мирных замыслов

природы,
Не призывая мелководья брода,
И дождь вычернул вчерашние дела.
Привычно распахиваясь на горах
И поиски омертвевших тротуаров,
Он выжал, споня звук из гитары,
Знакомое и сильное — пора!

Хлеб

Возможно, и был раньше
непослушным.

Судить не мне. Не знаю, отчего
Воздвигла обстоятельно струюна
В мир солнечного детства моего,
И я любил, как внешне домыто
Бранлась она за дело поутру.

Тепла мука сивая, тоненное сито,
Крутичам биваст на жару,
И я глazel неманого плутовато,
Как с волшебством из розовой печи
Вытискала бабушка лютая
Пшеничную, лютые качалки...

Пел самовар, раскручивался лето,
В из суте,

как светлая игра,
Румяного, мориченного хлеба
Прокривастан

теплой горла!
И далеко, наверно, раз не в пыть,
А в сто котормо, чашкам к котам
Сардиса делю в сто перед работой,
Натруженые руки опусте...

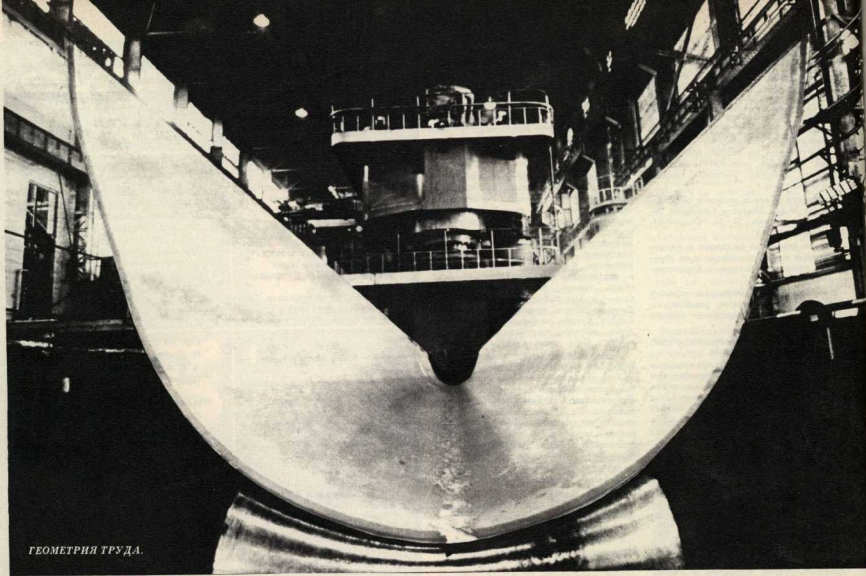
Анатолий НАЗАРОВ,
инженер-конструктор

Перед грозой

Заросло голубое небо
Темно-пылевой тучей,
Плзнет дождем и хлебом,
Тихой водой под кручей.

Отгулал бесполовый ветер,
И затан дыханье,
Сникли усталые ветки,
Полные оюндия.

Полетел одинокий ворон,
Душу тревожа криком,
Что не родится с громом —
Слезы мль земляника!

ГЕОМЕТРИЯ ТРУДА.

Лина ТАРХОВА

Мирно и беспорочно

О БОРИСЕ КОЗИНЦЕ,
ВОЛОДЕ УСТИНОВЕ,
САШЕ РОМАНОВЕ,
ЛЮДИМЕ НОВКОВОЙ,
НИКОЛАЕ ВОЙДЕ И ДРУГИХ
КОМСОМОЛЬЦАХ ЗАВОДА

Ключ от раздевалки лежал у комсорга в кармане — значит, никто не убежит и можно спокойно начинать собрание.

«За истокший период...»

Никто, конечно, не слушал. Токаляки, хихикая, развлекались, как могли, если уж потеря этого часа была неизбежной.

Когда слово взял Борис Козинца, умоляя — все-таки секретарь комитета комсомола всего завода.

— Ну, товарищи комсомольцы механического цеха, как будем жить дальше?

Борис с осуждением смотрел в насмешливые, равнодушные, покорные лица.

— Самим-то вам так интересно?

— А ты раздевалку открой, тогда все поймешь! Ребята загоготели, а Козинца крепко схватились за края стола, подавая испуганный гнев.

— Смеетесь? Не над собой ли? — произнес он медленно и кивнула в сторону комсорга. — Дай сюда ключ... Уходите, если вам не о чем говорить.

Толстенный ключ с замусоленной веревкой лежал на краю стола. Ребята, как зашигизированные, смотрели на него, и ни один не двинулся с места.

— Вы и уйти не хотите? Вы хоть чего-нибудь хотите? — зло крикнул Борис. — Вот ты, прива-стай! — Он встретился взглядом с голубоглазым парнем, на которого давно обратил внимание — пенельные волосы его вольями спускались ниже плеч.

«Прива-стай» — это прозвучало обидно, но Бо-

рис и хотел уклонить, обидеть, хоть как-то разбудить их.

Голубоглазый вскопал, самолюбиво вскинул голову.

— Моя фамилия Романов. Зовут Саша. Чем вам не нравится моя прическа?

Несколько минут они веяли теоретический спор о мужских модах, наконец Романов устал и сказал: — Мы здесь говорим о пустяках, а край-балка и завтра не будет работать. Она не работает уже два месяца.

— И новый полуавтомат стоит полтора месяца!

— И девчонко-учениц на побегушках держат! Козинца едва успевала все записывать — комсорга он послал за начальником цеха. Когда начальник появился, это уже было не собрание, это был митинг.

...Теперь дело было за малым — выполнять то, о чем говорилось на собрании. А для этого ребятам почти каждый день появлялся в цехе. С начальником говорить было нелегко. Он, во-первых, смеялся на занятость другими делами, а во-вторых, заканчивая боссу примерно так:

— А твой Романов, который бучу затеял... подарочек... Ты хоть знаешь, что его выпустили из школы с «троякой» по поведению?.. Твой Романов опять ходит без каски. Попадает искра в его пат-

— Твой Романов с дружкой выкатил машину из цеха, спасибо, она не завелась... —

Все это знал Борис, как знал и то, что «его» Романов уже немного другое.

Сейчас Саша Романов — один из лучших фрезе-

ровщиков цеха. Уже второй год он, как и записал в своих обязательствах, выполняет пятнадцатку в четыре дни. На его календаре — конец 1974 года. Саша соревнуется с опытным рабочим цеха Александром Ивановичем Спасьевым. В прошедшем году победителем был признан Романов. В нынешнем году Саша, как и все комсомольцы, работает еще лучше — ведь это год комсомольского съезда. Саша — комсорг смены и член заводского комитета ВЛКСМ. Все четырнадцать человек его группы — спортсмены, увлекаются лыжами, волейболом, футболом. Сейчас решено создать доженную команду. Форма хоккеиста доброт — работа подсчитана, что им придется отработать около десяти суботников, чтобы экипировать будущую команду.

Много дней и событий отделяют комсомольцев группы от того дня, когда ключ с замусоленной веревкой лежал на краю стола и никто не решился им воспользоваться.

— До того мы посмеивались над недостатками между собой, а теперь критич о них на собрании.

— Это Саша подводит итог.

— Что же мешало «кричать» тогда?

— А кто я был? Меня скандал на всех собраниях, хоть не всегда справедливо. Хотя бы за трибуналу... Не было уверенности в себе, требовалось толчок.

Когда пускали второй стан, все сбегалось смотреть, как идет холодная прокрутка. Как скрежещет в пустых пока услышны поталяжины стальной машина, легком, ровном своим обещая — и ско-

рол) — новые тысячи обособленных бесшовных труб диаметром 250 миллиметров.

Второй стали строить десять рядов, равно на срок пять дней меньше, чем намечался планом. В помощь строящим пятый цех выдана целую бригаду своих рабочих. Пусковая группа повесила объявление: кто хочет своими руками помочь строению, а затем остаться работать на новом стане, записывайтесь!

Этих парней легко сейчас выдти из толпы; у них особые лица, лица изминенников. Валерий Борисов, Анатолий Манин, Виктор Ильин, Володя Афанасьев... Держатся вместе, как перед началом смены. Комсомольско-молодежная бригада Виктор Ильин только что получила комсомольский билет... — Витя! — Ильина поймай Володя Устинов, комсорг цеха — Ты что вахает комсомольца дурмашей? Работаеть ты хорошо, — терпеливо продолжал Устинов, — не прогуливаешь. Ты же у нас «база роста»!

— Хочешь честной? — решительно спросил Ильин. — Я могу поать заявляине. И взносы не жалко платить. Но... как-то...

Этот разговор состоялся до того, как в цехе началась стройка. Когда мусковая группа, куда входила и Устинов, рассмотрела кандидатуру Ильина (желающих строить второй стан оказалось больше, чем требовалось), комсорг настойчиво просил внести его в список будущих строителей.

Рядом, в нескольких метрах, трюмаха первый стан, некономо раскину вокруг подсобных служб. Строители без конца сталкивались с прокатчиками. Вскоре обнаружилась еще одна трудность: поставщики постоянно задерживали материалы, оборудование. А строя строительству никак нельзя было сорвать. Колхозы, совхозы, завод ждали обособленные, бесшовные трубы диаметром 250 миллиметров.

Виктор не любил слово «воскресенье», не любил боарую суету вокруг металы и носилок, обычно — до стройки — воскресника сводились к тому, что участникам доверили «убрать территорию».

Еще с вечера по стоянку цеха протянули длинный транспор: «Каждый рабочий цеха обязуется отработать на строительстве стана по 10 часов. Комсомольцы 128-й школы — тысячу часов. Все на воскресник!»

Виктор не пошел. «Я ведь не рабочий, я теперь строитель», — усмехнулся про себя.

Наутро все толпились у стеногазеты.

— Ильин, а что это тебя нет среди победителей?

Виктор выткнул шею, разгадал нарисованный букет и список фамилий. Это, надо понимать, от личныи списали вчеря. Сбоку асплились карикатуры.

— Его нет среди победжденных... — Его не было нигде. Ребята изучали стеногазету, все они стояли к нему спиной.

— Намин увидел Володя Устинова. Тот шел по цеху почему-то с чемоданчиком.

— Ты куда?

— Спроси, откуда... Только что с поезда. Хочу скорее наших обработать. Ездил к поставщикам ругаться. Вырвал-таки у них...

От доломовой улыбки Володяи глаза совсем спрятались под густыми, низко нависшими бровями.

Кочкался рабочий день. Они полсмены сидели, ждали раствор, теперь можно было со спокойной совестью собраться нососия.

Варут откуда-то опять появился Устинов. Он кричал:

— Ребят! Бетон!

Три часа притивали и укладывали раствор. К проходной шли вместе. Впереди Ильина шагал Устинов. В руках у него был маленький чемодан.

— Но и не в тот вечер Виктор пошелша к Устинову, а еще несколько месяцев спустя.

— Володя, поминишь, у нас был разговор...

— Помню. И с тех пор жда.

Коля Бойда, Коля Бойда... Шустрый, селамашевский был парень (до войны на окраине Челябинска стоял заводикно, по имени которого все окрестные сорнякомы называли селамашевский). А после армии явился... Походка степенная, причисая тщательно волосок к волоску.

Помонок к комсоргу цеха Людмиле Новиковой, поздоровался по-военному.

— Коля, тебя не узнали!

Он удивился, загадочно улыбался. Коля Бойда теперь другой человек. Он нес службу в Кремле. Он был комсоргом роты, которая держала второе место по Союзу по всем показателям.

Вскоре Коля появился у Новиковой снова.

— Слушай, дай ты мне какую-нибудь работу. Непривычно как-то... Людмила предложила ему пойти в подшефную

школу. Комсомольское бюро их цеха, как и всех остальных цехов завода, много времени отдает подшефным. Вожатые с завода помогают школьникам проводить сборы, беседы о рабочих профессиях, ходят с ними на экскурсии, в турпоходы. Все это приносит плоды: из подшефных школ приходит на завод куда больше выпускников, чем из оставших.

— Катя Бойда, мать Володя Киверия, мать Геня Вдовин появляются в 113-й школе, их окружает свита мальчишек. Они дотыпываются у шведов, как честный или идет штрипс и будет ли в этом месяце плав. Мальчишки идут беседу со знаменем дела, они не раз бывали в восьмом цехе. В нем «Аз висит портреты рабочих, фотографии, сделанные в цехе, там же выставка образцов выпускаемых шведами труб.

— С ланном порядком, — докладывает шефа. — А как насчет успеваемости?

Кое-кто из мальчишек крикает. Серета тоже. Непознание, где Серета проводит больше времени — в классе или за его дверью. Он испоса и задира. Когда шестиклассники, сопя и терзаясь муками творчества, составляли свои «социалистические обязательства» — общине шефаи, — Серета устроила из этого мероприятия балаган.

Он подкараляк с девочке, розовощекой кругленькой девочке, и зарвал на весь класс:

— Ну, что ты пишешь, дура! «Обязуюсь не огрызаться с родителями». Все равно же не выпаднишь... А этот: «Обязуюсь поднимать руку как слезу!» Умирай-и!

Серета носился по классу, издевался над всеми. Бойда подполза к себе:

— А ты ничего не хочешь написать?

— Еще чего? Развели бюрократию...

Он пошумел еще, но потом утих и даже, кажется, вырвал из тетради листок.

Николай перебрал обязательства, украшенные проточками, картинками, старательно обведенные рамочками.

— Среди нарядных листков был один, ничем не украшенный и анонимный. «Я стараясь изо всех сил не получать двойки, но у меня ничего не получается».

Серета!

КОМИТЕТ КОМСОМОЛА РЕШИЛ...

Трудный мальчишка...

Николай сделал так, что в классе организовались группы ребят, с которыми занимался, учителя и лучшие ученики. И самолюбивый Серега был в этой компании. Один бы он ни за что заниматься не стал.

— Ты учишь, — уговаривал Бойда Серегу. — Я вот ты, да вот. — Бойда покрутил на пальце новенькое обрубальное колесо. — Теперь трудно. Ты будь умнее меня, пожай. Да, если хочешь, приходи в секцию борьбы. Знаешь, наши ребята ведут. Но там насчет «двоек» строго.

— Гена Хвонин доклевывает Бойде, как ответственною за шестую работу:

— Шахматный кружок, можно считать, существует. Руководить им от класса я бы доверил Серге.

— Считается, уже можно?..

Молодыми на заводе принято считать специалистов, стаж которых не больше трех лет. Инженер лаборатории дефектоскопии Петр Абраменко уже пять лет на трубом — приехал сюда сразу после окончания Московского института стали и сплавов. Уже внедрены в производство несколько серьезных его предложений. Совсем недавно закончилась очередная эпопея (внедрение, увы, всегда эпопея):

Абраменко и начальник лаборатории дефектоскопии, тридцатипятилетний инженер Виктор Бронников сконструировали на базе существующих тощициметров новые, более точные и надежные. Но был у их предложения крупный недостаток, с точки зрения начальства цеха, недостаток: оно не давало экономии. Да, новая электронная схема гарантирует более строгий контроль за качеством труб и к тому же избавляет заморочит от утомительной механической работы. Но где эффективные тысячи!

Бронников и Абраменко сражались за свою идею с еще не угасшим пылом, но дело осложнялось вот чем: применение установки потребовало бы изменить и маршрут передвижения по цеху готовых труб, а это новые приспособления, новая морозка...

И вот, повезло же, их чертежи увидела Ю. А. Медников, главный инженер завода. Выпала ценным взглядом в схему, подумал и решительно сказал: «Годится». И начальнику цеха: «А трубы хоть руками толкайте, а чтобы шли к установке».

Но борьба-то длилась год. Наверное, поэтому Петр Абраменко — неплохой председатель совета молодых специалистов. Пять лет стажа — это и опыт и свежая память о том, как трудно начинать и всекому.

— А если результат нет?

— Хотите услышать, как мы перевоспитываем ленивых? — хитровато улыбаясь председатель советует. — Мы их не перевоспитываем. По моему убеждению, делать это после института поздно, человек сложился. К нам приходят в большинстве своем комсомольцы, молодые члены партии. Взрослые же люди... Да балает, как правило, и не удерживается. А тем, кто хочет работать, гарантируем любую послышаемую помощь. На последней конференции одним из самых интересных был доклад Светланы Кохановской, молодого инженера центральной лаборатории автоматизации...

Научно-техническая конференция — это сюжетная встреча специалистов завода, трубочников Первозвартальска, молодых ученых Урала. СМС только недавно решился выпускать молодых с докладами — на конференции собираются союдаемые специалисты, и им нет дела до того, молод докладчик или нет, им подвигать интересную идею.

Работа Кохановской началась с задания, выданного ей советом.

— Вот, подумай на досуге над такой темой:

ЭТО ТОЛЬКО УЧЕБА. РАБОТА — ВПЕРЕДИ.

«Автоматизация контроля качества труб с применением бесконтактных элементов».

Эта работа была нужна восьмому цеху. Там начали выпускать трубы со Знаком качества. Точные магнитные приборы позволяли быстро обнаруживать любой брак — ужим, невправ шар. Но релейная система выдаления выходящих труб из общего потока постоянно подвывала: почти каждую смену терели контакты, схему приходилось часто подстраивать.

Светлана аистала спарвонички, новые журавли, робер, разговаривала с опытыми специалистами... Вот заманивала лесная еще идея. Но разработать ее и довести до чертежа одной не по силам. Кого взять в помощники? Она человек на заводе новый.

Помощники нашлись через СМС. Теперь уже целая группа, группа Кохановской разработывала новую идею.

— Как она, идея, «выглядит» сейчас, можно увидеть, зайдя в восьмой цех. На месте громадной панели управления старой системы смонтированы компактные блоки новой, основывая на полупроводниках. К блокам по месяцу, по два не подпадают наладчики, в этом отпала необходимость.

И Светлана пришлось воевать, но не так долго, как Петру Абраменко. Помогли и спасительные тысячи (предложение группы Кохановской гарантирует 18 тысяч рублей экономии в год) и то, что она работала по заданию СМС. Предагает молодому специалисту «подумать», совет берет на себя обязательство помогать.

Две тысячи комсомольцев сейчас на трубом. А давно ли их было несколько десятков? Территория завода изрыта землянками. Испыт-

«НЕ РОБЕЙ, ПОЛУЧИТСЯ...»

нана сиротского цвета палатками. От «буржуйки», на которой влек кукурузные лепешки, до рабочего места — метры. Завод работает без планового задания. Задание одно — дать фронту как можно больше бомб и снарядов. Работают по 12, по 14 часов. Былае, крепкие мужчины — их кожа выдулена адыским огнем выжаренных печей — терзют сознание, выходя из цеха. От свежего воздуха.

...В крохотном зале клуба надпиали, словно в бане. Клуб этот единственный в районе. Чтобы его арендовать для собрания, всем комсомольцам (их 370 человек) пришлось покататься на субботниках.

На трибуну поднимаются круталолиций Коля Карпенко. Его только что избрали секретарем. Он заговнил речь, так складно все сочинил, но от волнения не может вымолвить ни слова. Открывает рот и — ни звука.

— Да не робей, Коля! — доносится из зала отчаянный голос Женки Дадчиной. — Ребята, вы не подумайте, он может говорить.

По рядам прокатывается хохот.

— А то мы не знаем, какой он горластый...

Новый секретарь топчется на трибуне и возвращается к столу президиума. Продались ли скрипят новые ботинки. В Колонной комнате в обиде живут еще три парня. Каждую полочку они оставили денег на сту, а остальные складывают вместе и покупают одному из троих что-нибудь из «бархаса». Недавно подошла Колмаа очередь.

На завтра новый комитет составляет план действий. Что главное для комсомола в 1945 году? Как и во все времена, работа. На весь Челябинск гремит первая в городе комсомольско-молодежная бригада Ивана Саенко. Он с трубною, вымолв-

щик первого цеха. У Саенко есть последователи. Они тоже сколотили комсомольско-молодежные бригады. Когда комсомол решает, какой из них присудить первое место, приходят партгоры, начальники цехов, но решающее слово всегда за комсомольцами. Цветов для победителей нет, не выносили еще цветы в забитом эвакуированными заводами Челябинске. Лучшим вручается почетная грамота, и она дорога, как орден. А особо отличившимся старается подарить орден. Орден — заветное слово, сразу возвращающее в мирную жизнь.

Задача номер два — учеба. В чехе если наберется два-три инженера с дипломом, то хорошо, остальные — практика. Нужно растить им смену. Вечерняя школа — в четырех километрах от общежития, добраться до нее можно только пешком. Вечерний институт — в пятнадцати километрах, но туда, случается, ходят попутки. Упешится студент за клинчик порт машины, а одна галочка осталась в гриве. И придурачивается студент, что важнее — ученые, которые свет, или галочка, без которой тоже не живешь.

Далеко, трудно было добираться, а учились. Из тех истерных мальчиков и девочек выросли лучшие работяки первого цеха: Степан Илларионович Гончарук, мастер смены, Герой Социалистического Труда; Павел Леонтьевич Гребенок, опытнический обихватильщик; Евгения Васильевна Дадчина (та самая Живовка), начальник лабораторной работы; Евгений Валентинович Зиновьев, старший слесарь.

...Ну, а третья задача — яркая, интересная жизнь. Ни одно собрание не проходило без песни, смеха. Всегда готова стенограмма, заяя, зубастия. И начальство, и райком, и горком ребята так могли прохватить... Сегодня Николай Петрович Карпенко, начальник крупнейшего на заводе первого цеха, и улыбаются и пожимаются, испомнивая те газеты: «Что же ж мы торпал...»

Среди молодежи зарождается движение: «Каждому комсомольцу — личную библиотеку». Любимые книги переходят из рук в руки, вечерами комитаты обихватильщики гуляют от споров.

На праздники, на танцы, в самодеятельность — вскоду гурьбой. Как-то Коля Карпенко выступил в пьесе, по ходу действия которой должен был ударить своего друга Санку Дронова по голове. Для представления, куда гомому Дронова, злого-типа палачу с распухшим концом. Коля в азарте не разобрался, где какой конец... Раздался звук, который не оставал сомнений: бой идет без обмана. Пубанка долго смеялась, а Санка после спектакля смиренно сказала: «Ряди искусства можно пострадать!» — и потер выпуклую шишку.

Горькими, азартными они бьют и в большом и в малом, первые комсомольцы первого завода.

Что, если бы можно было поставить рядом девятнадцатилетнего Колю Карпенко и дипломированного инженера Александра Севастьянова, нынешнего комсомольского секретаря завода (он сменил Козыцева на его посту)? Коля, наверное, приспосаблива бы от удивления, волею в комитеты комитета. Это же дело! Апартаменты — телефоны, сейфы. Карпенко, наверное, позавидовал бы, с каким образованным, толкательством народом имеет дело комитет — каждый комсомолец учится, каждый пятый молодой рабочий — рационализатор. И Севастьянову нашь бы чему поучиться у своего далекого предшественника...

Но их не надо ставить рядом, не стоит сравнивать — они просто разные. Ведь время движется вперед. Однако во все времена обиды в комсомоле было одно: юноши и девушки объединялись в союз для дела и вокруг дела. И когда оно было, дело, к комсомольским секретарям приходили ребята и писали заявления: «Просну принять меня в комсомол».

же перед самым рассветом Тани приснился сон.

Странный какой-то. Будто стоит на мартовском поле самолеты е Степанова. И она сидит на крыле, в подвешенном полете. Летит, летит, и Степанов рядом, на крыло это облокотился, словно бы пошурит, а Витя, второй пилот, тут, поодаль, с фотоаппаратом. Примеривается вроде их снять на память.

И свет крутом, редко-редко увидишь черную проталину: ведь март, «визма» только начинается, только-только начинают чернеть лапки летчиков авиамоторов в совхозах ледом. Снег белый, и платье ослепительно, и слышны Тани на крыле хохочет, хохочет, не может остановиться — очень ей весело.

К чему бы это?
Потом вроде Степанов сиял ее с крыла, отнес ближе к середине поля, поставил и подождал. И из-за его плеча Тани видела, как идет к самолету, но ставила и взлетает. Вот как странно было все в том сне.

Они летали крутами над Ташей. И в белой шлефке хминикоты тянулся за ними, а Тани тоже кружилась на месте, будто ташевала. Да так медленно, так страшно чего-то ожидая, что дух захватывало. И вокруг нее закручивалась, обвивалась белая ее девичья фата...

Часть, старый громадный ящик на стене, пробил одиннадцать.
Тани спросила вяло двигалась по комнате. Вокруг было совсем темно, свет падал только из узкого коридорчика. Она схлопалась по комнате, заглядывая во все углы и натаскалась на стулья.

— Тани,— сказала наконец из темной спальни голос мужа,— да включи ты свет, чего маешься в темноте?
Она сердито промолчала.

— Посе, что да, вынешь? — снова подала голос муж.— Ленька им играл вечером, когда ты спала. В «конструкторе» он у него.

Из угла с детскими игрушками Тани вытаскала деревянный ящик, открыла его, достала свой пояс и тут же зарывалась до обиды: пригнетут чулки нечем, все резинки ровненько отрезаны. Она оглянулась на спальню и немного поплакала.

— Надевай мне, товарищи,— сказала тихо и сердито.— Ну что за анекдоты—прихожу сегодня с ночной, дома никого нет, и все мои туфли в ванной плавают...
Муж фыркнул.

— Очень весело! — подхватывала Тани и прошла к книжному шкафу. Открыла его, достала молочную карточку.

— Это Ленька так утром развлекался,— сказала виновато муж.— Моряком будет, но иначе.

Тани не отворила. Медленно и аккуратно она вырезала ножницами талон на молоко по «вредному» чеку. «29 декабрь» — было написано на талоне. Куда делось годится, скоро Новый год, а он такте сны снится...

— Ну, так смотри, ведь надо,— сказала она наконец рассудительно.— Он ребенок, так тебе-то, надеюсь, не три годика! Ну ладно, пока.

— Дверь закрой, да,— попросил муж, зевая.— чтобы мне не вставать... Она вышла.

И следующие была такая же, и еще одна катиалась: Тани их с первого взгляда видела — सदироровские.

Когда она слышала в первом еще одну трубу, машинист став ервать и бесположно катились. Наконец он не выдержал и подставил ее с ербы.

— Чьи? — крикнул ей прямо в ухо. В цехе было шумно.

— Тани помиралась.

— Садирова, чьи еще! Как ночь, так спит.

Пошла к первой трубе, обвела овалом перешиваемый бутон на шне, снова написала «переварить», стропило сделала тубы и оглянулась на машиниста. Тот вскомил и подошел к ней. Он смотрел на трубу, как на личного врага, и немалого ласковее на Тани.

— Так спом к нему.— сказала он быстро.

— Присесть, вкрутить, Тани? — Разбежалась! Делать мне больше нечего, только Сидоровым по ночам добоваться.

Машинист сплюнул, посмотрел на трубу задумчиво, качнул головой и снова вернулся на высокое свое кресло. Успокаивая, он обернулся и кивнул кому-то за Таниной спиной. Она обернулась тоже.

С невысоких мостков перехода к ней на площадке степенно спускался мастер Морозов.

Он подошел к столку и кивнул Тани. Поалстал смелый журнал. Переводы на брек он считал про себя, подовы брек и записывал пальцы. Тани смотрела на него без удовольствия. Она наперед знала, что скажет ей мастер Морозов.

— Чего верно,— сказала он про Садирова, и Тани согладалась.

— Что верно, то верно, Михаил Иванович,— сказала она без выражения, бросила тетрадку на столки, карандаши и мелок в карман.— Я, пожалуй, на обед пошла, врем.

— А... ты бы знала к нему по дороге,— сказала нерешительно мастер,— спросила бы, что у него? Может, что самото, а у него и я была. Он при мне, главное, хорошо варит, первый сорт. А потом опять спит. Я же не могу всю ночь у него за спиной торчать!...

— Ну, noch не ночь... — неопределенно сказала мастер, а к Тани по мосткам бежала, метая дрова, контролер с надзорщика.

— Саунай, Степанова, тебе костюмчик не нужен Леньке? Богарский? Мне из Москвы привезли два Вовки, а он только-только вшитый. А они же знаешь как растут! Может, возмешь?

Тани загоралась.

— Ой, что ты! Надо, конечно. А сколько?

— Тани, авалать. Но сейчас надо.

— Саунай, у кого занять? Михаил Иванович?

— Сходи, сходи, Татьяна, к Садирову.— не слышав, настаивала тот.— Это что же такое, семь переводов до обеда!...

Рядом стола перчатчик. Тани взглянула на него беззащитно и махнула рукой.

— Дин, а до завтра?

— Тани, сейчас надо.

— Ага.

Мастер все стола на площадке, что-то прикидывая. Потом он шпатул к Тани.

— Татьяна!...

— Вон катилась! — закричала Тани в отчаянии, глядя на новую трубу.— Сидирова! Дин, заблудилась! А вы меня туда послали, Михаил Иванович! Вот, давите, а при вас не посмотрю, что потом разговор не было.

— Она снова схватила со столки тетрачку, записала номер, достала из кармана мелок.

Вместе с мастером пошла вдоль трубы, перчатчик едва успевал подожать деревянный уголки под лигтое ее трестонное тло...

Старая девчонка шла по широкому проходу вдоль цеха по железным трапам, менила белые домики контролок и табельных, котлован для ремонтных работ. Почти все были голыми, руки в карманах, концы косынок торчали задринство. Проходила мимо Тани, одна из них засунула два пальца в рот, проглотила синтетическую нить закрученую, обернувшись. Мастер все еще торчал рядом.

Тани не взглянула на него больше, помахала машинисту и перчатчику, скрестила руки над головой — «на беда, побежала к поудатим.

Они шли мимо сварных стенов.

И вдруг Тани посмотрела на часы, выключилась и выгнула под цепочку задринство. Под цепочку она вынесла метра трубу (на бровке трубы горела яркая ниточка шна), прошла в кабину сварщика.

Девчонки синтетилу ей вслед, но она даже не обернулась.

Красивый парень Сидоров, смуглый, белоусовый, даже в работе видно, как силен и силовит. А руки на рычагах пульты — заглядывая, как у артиста, плавно, уверенно. Еще бы работать как саудет!

В дверях Тани остановилась ненадолго, но не от смущения, просто еще раз про себя пожалаема время беда, потом рехилась, быстро кивнула Сидорову, присела рядом.

Молча и мрачно смотрела она на оперенную трубу. Вместе с Сидоровым Приоткрыла газы, когда испустила электрическая дуга, и открыла их в одно с ним мгновение, когда пошла загораться, по боку трубы ее. В последний раз оглянувшись девчонки на лесенке, в последний раз синтетилу. Тани не отетиала даже взглядом, сосредоточенно и хмуро сдвинула за Сидоровым.

Она труба, другая, третья...
Сидоров, молча, вынул записку, мелок написал на трубе свое клеймо. Проходя на свое место, молно пробива Тани на плечи; та, не глядя, нетерпеливо дернула плечом, стряхнула его руку.

Так они и молчали некоторое время. Потом они ушли.

НИНА ПЕСТРИКОВА

РАССКАЗ

Нина Пестрикова работала контролером ОТК 6-го цеха Челябинского трубопрокатного. Ее статьи и очерки о товарищах по труду публиковались в заводской многотиражке, в областных газетах.

Сейчас Нина сотрудник областной молодежной газеты, заочно учится на сценарно-редакционной ВГИКа.

И сразу же услышала гул самолета.

Это большой летах. «Туполев», «Тушка» — сказала бы высокомерно ее муж. Ой-ой, достало слышать до этой «Тушки». Не той «АН-2», старенький самолетчик, но новый «У-154» летит, московский. Но ничего, не все сразу. Будет и Степанов на «Туполева» летать, всему свое время. Для Тани он и на «АН-2» хороши, они — ребята с тяжелых самолетов — делают только быстро.

Тани проводила глазами бортовые огни ладущего на посадку лайнера и пошла к трамвайной остановке. Вокруг было темно и тихо.

— Еще пятьдесят минут было тихо вокруг нее — в трамвае и раздался, а потом все стало ослепительно и огулительно, началось ее цех.

— Шестой, трубомехантросварочный — основной цех завода. Достаточно сказать, что динна его неменьше более двух километров, а работают в нем около двух тысяч человек.

Цех Тани был заполнен огнями и грохотом. Слышались стоны стали алкали из черной части потока, на очерченных мелом дорожках было многолюдно — пересекана. А Тани, уже в спешке, неторопливо шла мимо груженых вагонов, навстречу ей по ролыганым формовки пошла непрерывная полоса листов железа.

По узкому трапу Тани поднималась на свою площадку, мелком огаждала трубы, принятые в прошлой смене. Они были отмечены меловыми крестиками. Тани вынула из кармана спечки мел, для верности поставила свои кресты — крупнее и ярче — подошла к железному столку, достала смелный журнал. На новой странице сделала запись и обернулась на грохот труб эдак.

Почти была.

— Тани схватила тетрачку, карандаш (в ладони был зажат мелок), пошла к трубам осматривать шов, отмечать мелом огрехи.

А запись в смелном журнале была такая: «Смена мастера Морозова, ст. контролер площадки Степанова, 29 декабря...»

Проклятый лодыр Сидоров опять гнал брек за бромком.

В три часа ночи, уже вот-вот на обед, Тани заметила, как внимательно смотрят на нее машинист и перчатчик. Она знала, почему — от того, сколько трубу она примет, зависит их план, их зарбокок.

«А, а что поделаю!» — пошла она про себя даже без раздражения (сегодня ей не удалось выплыться, и всю смену она была как вареная) и написала на очередной трубе: «Переварить».

Рисунок Михаила ПАПОВОА

— Соскучилась, Танечка?—спросила участливо, не отрывая взгляда от очередной трубы.

— Соскучилась,— сказала Тania без выражения.— Семь переводов у тебя до обеда, помни? Что, это так и будет сегодня? Всю ночь?

Сидоров потянулся. Очередная труба ушла к контролерам, она была последняя— формовка стала. И теперь он мог вернуться к Тание, мог развалиться в кресле, закурить и протянуть длинные свои распрекрасные ноги, задохнув ей выход из кабинки.

— Брагуэй, занюха, брагуэй,— сказала он неторопливо и ласково.— Работа у вас такая. Наше дело варить— ваше браковать.

— И посмотрела на нее с нежностью невыразимой.

— Наше дело проглядеть— ваше отказатьсь...

Он потянулся поглядеть ее по колену, и Тania всколыхна.

— Значи, что,— сказала она неожиданно трубо,— захвати, да, дружка валять. Не можешь варить как следует— мойтай в перекатчики. Другие найдутся.

Сидоров загадочно молчал. Он смотрел на Танию нагло и откровенно, и она почувствовала, что краснеет.

Она подыбалась и, перегибая через длинные его распрекрасные ноги, не оглушившись, пообещала:

— Погода, я вот к Ивченко сейчас зайду, все равно я из-за тебя, оборота, беда потеряла. Как пришел на свярку, так и вылетши, не волнуйсь...

Она ухмыля, легко избегая вверх по узким железным трапам переходов и не касаясь руками перил. Ее еще долго было видно на выско вознесенной над цехом лестнице, ведущей в конторку сварки, а Сидоров курил и задумчиво смотрел ей вслед.

— Ничего, да!— сказала его подручная, подходя откуда-то сюда.— В порядке девочка.

— Просто метла женщины,— сказала Сидоров серьезно и влохнул.— Квартира, муж вечно в полетах, сын в садике... Вот придет сейчас домой, что ей делать? Спать ведь завалился после ночной. Нет бы меня под бочок. Такой товар пропадает...

Когда Тания возвращалась домой в это утро, прохладки на снежной декабрьской улице почти не было. Уже у самого дома услышала гул некое легчайшего маленького «АН-2». Это не Степанов летел, он сейчас по расписанию должен быть уже в Магнитке, но Тания все равно остановилась, подыала глаза. Не от-

рывая взгляда от самолета, открывала сумку, поискала и достала оттуда ключи, не глядя, надела колечко ключа на палец, машинально им помახала. Она смотрела, прищурясь, навстречу, пока самолет не исчез. Наконец он улетел, а она, так же помехивая калочками, пошла в свой под-еда.

У входа в ней подзорывались соседи, которая рядом с домом выбивала домотканые, нестрые половники.

— Вот оно, Танечка,— сказала она сочувственно, и Тания остановилась, стропитно сжав губы,— как мужа летчика-то иметь... Только успевай оглаживатьсь...

— Прямо,— пробормотала Тания и еще раз взглянула вверх,— мне-то чего оглаживаться? Он летает, ему и падать в случае чего.

И скрылась в таукой темноте подъезда.

В квартире был тот беспорядок, который остается от сборов на скорую руку ребенка в садик. На столе валялись детские колготки и шерстяной носок, на диване в открытом чемодане с детским бельем было все перевернуто. И пара грязных детских рубашек на полу.

Тания раздалась, достала из сумки молоко в пакетах, поставила его в холодильник, колготки и носок со стола отнесла в ванную, туда же полетела и рубашки; потом она присела на корточки перед чемоданом и начала складывать белье. Здесь ее и застал звонок Степанова.

— Да,— сказала она нелюбезно,— я.

Прижав трубку к уху пальцем, она слушала, продолжая складывать белье в чемодане. Сложив, задвинула чемодан под кровать, оглуившись на неприбранную комнату.

— Да ты откуда говоришь-то?— закричала она, видимо теряя терпение.— Из Магнитки? Ну и!.. И что? Вот приедешь в петь с работы и поведешь его на елку. Ну, а как ты считаешь, я должна поспать после ночной?! А вечером я спиать буду. Сейчас? Спишь, что же еще! Ну,— погода...

Она коротко взглянула в окно и, немного подумав, решает:

— Вот не будет погоды— тогда отведу. А влетитши,— сам пойдешь. Да? Больше ничего не угодной Перебешишь. Ну ладно, ладно... иди,— гуайя. Пока.

Она повесила трубку, подошла к столу, взяла будильник.

Сначала поставила бои на пять часов, потом передумала, перевела на три. Прошла в туалет, открыла холодильник, достала размороженное мясо,— хорошо, Степанов достался холодильнику утром отключить,— вымыла его, залила водой, поставила кастрюлю на огонь.

Валерий Анищин — самый молодой сталевар в цехе. И по опыту и по возрасту. Всего полгода он самостоятельно варит сталь. Раньше работал первым подручным у Федора Ивановича Ефименко, а школа Ефименко — это знатная марка, известная на заводе «Фирма».

Мартеновский цех обязался выдать сверх плана три тысячи тонн стали. Именно за то, чей вклад в эти сверхплановые тонны будет больше, и соревнуются сейчас сталевары.

— Моя бригада соревнуется с бригадой Ефименко. Честно говоря, я не осмелился бы вызвать на соревнование своего учителя, — признается Валерий. — Но Федор Иванович сам предложил мне заключить договор. И теперь очень хочется если не обойти соседей, то хотя бы приблизиться к ним.

В том, наверное, и суть соревнования, что оно вызывает у человека стремление достичь новых высот. Не знаю, кто победит в этом трудовом споре — Ефименко или Анищину, возможно, опыт возьмет верх над молодостью, но в выигрыше останутся и обе бригады и цех в целом.

На трубопрокатном хорошо организовано соревнование и между цехами, связанными единым технологическим процессом. Так, например, мартеновский соревнуется с первым трубопрокатным, копровым, железнодорожным и цехом ремонта мартеновских печей. Итоги этого соревнования подводятся раз в квартал в присутствии начальников цехов и представителей партийной, профсоюзной и комсомольской организаций. Я и не в такой жаркий спор. Вспоминали друг о друге все. В копровом задержали разгрузку поезда, желез-

нодорожники не подали вовремя вагоны в мартеновский, прокатчики перерывли подъездные пути... Но и свои промахи вспоминали так же тщательно. В конце концов, когда претендентов на победу и, естественно, на премию осталось всего два, трубопрокатный и мартеновский, поднялся начальник мартеновского цеха Георгий Александрович Потапов: «Первый сработал лучше нас».

— Зачем же вы отдали победу? — спросил я его после заседания. — Еще неизвестно, как бы решился судья.

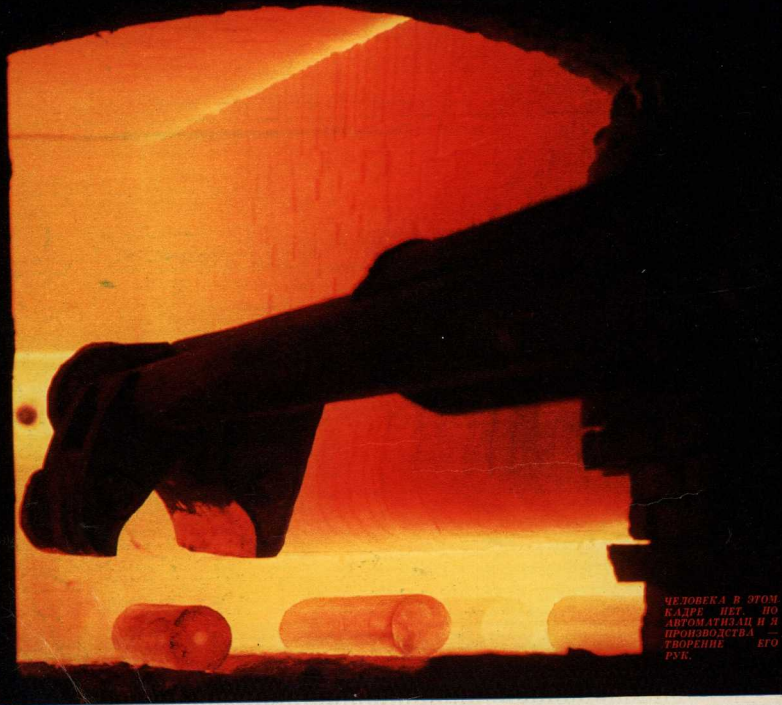
— А так бы и решили. По совести. И по делам. Первый цех обошел нас по качеству. А это — главное.

Газопроводные трубы на заводе проверяют в таких условиях, какие вред ли возникнут на трассе. Контроль жесткий, малейший брак — и труба из газопроводной переходит в разряд водопро-

Комсомольский встречный

Анатолий БАРАНОВ

ДЕСЯТАЯ ДОЛЯ

ЧЕЛОВЕКА В ЭТОМ
КАДРЕ — НЕТ. ПО
АВТОМАТИЗМЦАМ И
ПРОИЗВОДСТВА — ЭТО
ТВОРЕНИЕ ЕГО
РУК.

водной. И каждый такой переход стоит заводу от 30 до 60 рублей. А труб миллионы. Значит, качество работы приобретает решающее значение. В трубэлектросварочном цехе оно в первую очередь зависит от сварщиков.

В цехе задумались, почему такие рабочие, как Александр Белогузов или Василий Фролов, из года в год работают без брака, а другие сварщики, обслуживающие те же станы, выпускают только 75—96 процентов труб, пригодных для газопроводов. Общественные организации цеха разработали условия соревнования за стопроцентный выход качественной продукции, организовали школу передового опыта. Но послушать, как работает передовик,— одно дело, другое — увидеть. Четырех лучших сварщиков на неделю освободили от основной работы, послали их на другие станы покатывать, учить. Главное искусство сварщика — на-

стройка стана. Именно здесь проверяется его квалификация, его чувство машины, точность рук, острота зрения, быстрота реакции. Всей этой премудростью и делились самые опытные рабочие со своими новыми учениками. У одного стана они задерживались на час, у другого сидели по двести смен. В прошлом году выход газопроводных труб в целом по цеху поднялся до 98,5 процента.

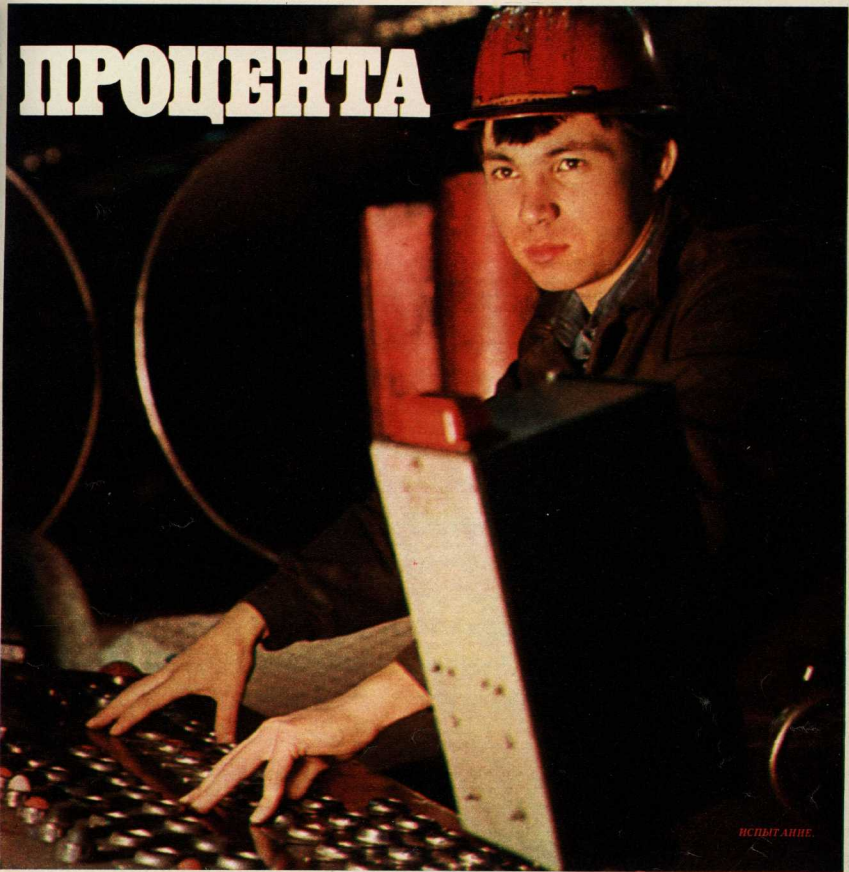
На организацию школы передового опыта и поощрение сварщиков, достигших стопроцентного выпуска качественной продукции, цех затратил 44 тысячи рублей. А экономический эффект от повышения качества составил свыше двух миллионов рублей. В обязательствах цеха на определяющий год пятилетки в графе «качество» стоит цифра «99». Комсомольско-молодежная бригада Валентина Скуркина, завоевавшая первое место в отрасли, подняла эту цифру еще на шесть дес-

тых. В прошлом году у них девяносто девять и пять десятых было.

Мне эта прибавка на одну десятую процента особенно понравилась. Дело в том, что кое-кому очень хотелось видеть скружинскую бригаду «стопроцентной». Как же, молодежная, да еще лучшая в министерстве! Лестно все-таки. Вот и уговаривали их вписать в обязательство круглую цифру, но молодые сварщики оказались принципиальными. Они понимали, что эта высота не сразу покорится им.

В бригаде 52 человека. Примерно половина из них делает продукцию только отличного качества, но есть в бригаде и молодежь ребята, недавно пришедшие на завод, им и истинному мастерству еще шагать да шагать. И эта трезво рассчитанная одна десятая важнее всего именно для них, молодых рабочих. Они с первых своих шагов на заводе по-

ПРОЦЕНТА

ИСПЫТ АННЕ

лучилую роль честности и принципиальности и сейчас, думаю, с особой ответственностью перед коллективом будет следить за качеством своей работы, постигать секреты «добродетеля», возмни бригады продолжение «добродетеля», возмни себя обязательства заранее невыполнимые, эффект был бы совершенно противоположным, потому что ничто так не извращает идею социального соревнования, как пустые обещания, не подкрепленные делами слова.

— А давайте вы когда-нибудь до той круглой цифры! — спросил я Скурихина. — Когда ваша бригада настоящего опыта наберется?
— Не думаю. Человек не машина все-таки, порой и настроение его может на работу повлиять. Вот и дрогнет иногда рука у сварщика. К тому же не только от нашего мастерства зависит качество продукции. В металле может равновесие обвалиться или флюс некачественный попадет.

Здесь я хочу сделать маленькое отступление, сказать несколько слов о соревновании смежников электросварочного цеха, заключив договор на соревнование с листопрокатным цехом Орско-Халиловского комбината, пороха не выдумывал.

Соревнование смежников, как правило, лишено такой основы, как сравнимость результатов, без чего настоящее трудовое соперничество просто невозможно. Как подводить итоги такого соревнования? Только по проценту выполнения плана! Тогда обещания могут соревноваться с транспондками, строителями с шахтерами, но чем обогатит их соревнование, какими образом даст возможность улучшить свою работу!

Обо всем этом прекрасно знали трубиники, отправляя делегацию к смежникам. Был у них свой расчет. Дело в том, что в центре социалистического соревнования среди смежников значится «помощь партнеру». Полятие это скорее социальное, чем экономическое, и все же стельность этой помощи порой можно даже в цифрах выразить. По крайней мере председатель заводского комитета профсоюз Валентин Ионович Кривоша считает, что в значительном улучшении качества продукции «новыми и друзьями по соревнованию» — ведущими с Орско-Халиловского комбината.

Насколько лет назад на комбинате побывала делегация трубиников. Члены этой делегации, формошники и сварщики, выступали перед листопрокатчиками, просили их улучшить качество стальной листа, из которого делают газопроводные трубы, и тогда же заключили договор на соревнование, в главном пунктом которого и было качество.

— Лист оттуда сейчас хороший идет, — признал Скурихин.

Из года в год челябинские трубопрокатчики наращивают свои мощности. Только с начала пятидесятых завод дал стране дополнительно миллионы тонн труб. Борьба за повышение производительности труда здесь ведется методично и планомерно, на современном научном и организационном уровне.

Например, еще в середине прошлого года на заводе появился приказ № 286, потребовавший от всех цехов и отделов тщательной подготовки к выполнению малых планов определяющего года пятилетия.

Первый цех на заводе действительно первый, старейший. Построили его в тяжелом сорочном трубе в год, причем трубы должны были изготавливаться из самых простых марок стали. А план цеха на 1974 год составляет 329 059 тонн. Да приплюсуйте сюда еще встречный, а он тоже не маленькая — три тысячи! За счет чего же так возросла мощность цеха, если учесть, что станы его не изменились, остались теми же, что были и тридцать лет назад!

— Они только с виду те же, — поправляет меня начальник первого цеха Николай Петрович Карпенко. — Не буду вспоминать всех переделок, расписано у самой последней. Готовясь к выполнению плана этого года, мы реконструировали подающие аппараты пилгримовских станов. У нас там издавна узкое место было. На его «расширение» мы затратили около пяти тысяч рублей, и каждый рубль обещает дать нам прибавку в тонну труб. Пять тысяч тонн труб, как видите, дал только одно новшество, а сколько их было за эти годы!

Сейчас на пилгримовских станах катают трубы из 46 марок различных сталей. Только в прошлом

году освоили семь новых. Но без конца наращивать мощности и повышать качество продукции на старом оборудовании все-таки невозможно. Поэтому и первый цех в скором времени будет реконструирован.

— Хочется и самим помолодеть, — улыбается Герой Социалистического Труда Стелла Илларионовна Гончарук, — а пока заведуем соседям, что за стенкой.

За успехи у первого цеха громче почти полностью автоматизированный комплекс «140». Здесь, рассыпая искры, порой со скоростью курьерские поезда мчатся от стана к стану раскаленные заготовки, превращаясь по пути в сверкающие трубы. Коллектив стана два года назад стал победителем всесоюзного соревнования трубопрокатчиков и завоевал право подать свой трудовой рапорт в президиум торжественного заседания ЦК КПСС, Верховного Совета СССР и Верховного Совета РСФСР, посвященного 50-летию образования СССР. Именно тогда на стане впервые заговорили о встречном плане. В 1973 году коллектив истосоровиков должен был выпустить 125 тысяч тонн труб. Прокатчики обратились в министерство с просьбой скорректировать план и увеличить его на 6 тысяч тонн. Их просьбу уважили, а они перевыполнили и встречный — отгрузили прокатчиками 134 240 тонн труб. Плановое задание министерства на 1974 год основывалось на достижениях коллектива и составило 135 тысяч тонн; прокатчики снова попросили его увеличить, на этот раз добившись к плану 10 тысяч тонн. А после декабрьского Пленума ЦК КПСС взяли на себя обязательства выдать и сверх встречного плана еще 2 тысячи тонн.

— Резервы у нас одни и те же — повышение производительности труда, — говорит секретарь комсомольской организации стана слесарь Виктор Якушев. — По производительности труда мы уже в ноябре прошлого года вышли на уровень семидесяти пятиго. И еще, я уверен, дополнительные. Их ищут наши электрики, слесари, операторы, инженеры...

Именно эти поиски ученых, заводских изобретателей и рационализаторов помогли заводу за последние восемь лет увеличить производсто

труб на целый миллион тонн. Встречный план этого года — десять тысяч тонн труб и три тысячи тонн стали. По сравнению с миллионом эти десять тысяч, наверное, ничтожно мало, но нужно учесть, что трубопрокатчики работают уже на пределе возможного.

Разработка личных планов воспитывает чувство дороженности и персональной ответственности не только за свою работу, но и за труду бригады, смены, цеха... И это естественно: осмысленное дело открывает человека, придает ему порой такие силы, которых, возможно, он и себе раньше не подозревал. Вот почему так важно, чтобы личные обязательства на самом деле были личными, чтобы они были не только конкретными, но и отвечали характеру человека, специфике его профессии и условиям его труда.

Соревнование между предпрятиями, цехами, бригадами помогает поднимать производство, индивидуальное же соревнование, я думаю, в первую очередь поднимает самого человека, полнее раскрывает его способности, воспитывает его как личность. Вот только организовать его, если, конечно, по-настоящему, совсем не просто. Для этого надо заинтересовать людей в трудовом соперничестве, создать для них атмосферу поиска и энтузиазма, учитывая при этом и технико-экономические и социально-психологические факторы. Да, без психологии здесь не обойтись, потому что в центре этого соревнования стоит человек, личность. Мне кажется, на трубопрокатном отделе представляют и важность и трудность организации подобного трудового соперничества. Но трудностей не боится, сил для этого дела не жалеют, и вот результат: большинство рабочих, с

каждый рабочий — человек взрослый и сам обязан отвечать за себя. Но и последователей у Андросенко нашлось немало — позапада. А суть дела вот в чем. Смена Федора Физилишвили Андросенко оказалась в тенение этой пятилетки не иметь ни одного нарушения трудовой дисциплины. Протокол того памятного собрания подписали 67 человек. Каждый с тех пор отвечает не только за себя, но и за всех.

Дорого обходится прогнущимся потерянный день: его лишают месячной и квартальной премий, не находят он своей фамилии и в списках на получение тринадцатидесяти зарплат. Дорого, а все равно прогнущивает: «Денги мои, и плавать мне на них хотелось». А тут бригада или смена подписала протокол и сама себя лишила месячной премии, если хоть один из ее членов пропустит рабочий день без уважительной причины. На свои денги прогнущить еще можно, а как прогнущить на чужие!

— Не подлишу, не могу я за себя поручиться.

— Лучше уволиться, чем опозориться потом.

— Все было на этих собраниях. И усились действительно. Но 430 бригад поддержали смену Андросенко.

Не все бесспорно в этой идее, и, наверное, не случайно ее не торопятся перенимать другие предприятия Челябинска, но опыт есть опыт. Любой эксперимент, даже неудачный, приближает нас к истине. Истина в данном случае ясна — надо укреплять и укреплять трудовую дисциплину. И начнем трубопрокатчиков — только попытки решить эту проблему.

— Не скажу, что с тех пор прогнущники на трубопрокатном совершенно исчезли. Они есть еще, и

совершенно, но их становится все меньше и меньше. Давайте лучше обратимся к цифрам. В целом на предприятиях черной металлургии в прошлом году официально насчитывалось 11 прогнущников на сто рабочих. На соседнем с трубопрокатным кузнечно-прессовом заводе — 14. А у трубопрокатника в 1973 году эта цифра составляла меньше единицы — 0,7. При желании можно было бы подсчитать и экономический эффект от уменьшения количества плавильц и прогнущников.

Не огромная табла, заметных со всех сторон цеха, то и дело мелькают цифры: сколько выпущено труб, сколько осталось до плана. Ежедневно отмечается, как сработала та или иная бригада, какого качества продукция она вытускает. Доска почта в одном из цехов при мне обновлялась дважды. Дворец культуры устранил вечер отдыха для передовиков. В красном уголке шестого цеха шли занятия школы передового опыта, и молодые рабочие если не сидели, то весьма уверенно демонстрировали победителей социалистического соревнования: «Как вы сделали это? За счет чего у тебя вышло то?» Умножить достижения новаторов, сделать сегодняшние рекорды завтрашними нормами, помочь отстающим подняться до уровня передовиков, то есть создать возможность практического повторения опыта — так раскрывается одно из главных ленинских положений о социалистическом соревновании. Эта великая традиция — гласность соревнования, сравнимости результатов, практического повторения опыта — неразрывна. И о ее единстве организаторы социалистического соревнования на Челябинском трубопрокатном заводе помнят постоянно.

ТРЕБУЕТСЯ ТОЧНЫЙ РАСЧЕТ...

ДОГОВОР О СОРЕВНОВАНИИ.
ДОГОВОР О ДРУЗЬБЕ.

которыми мне доводилось беседовать, имеют одного, а то и двух-трех «соперников». Как правило, это товарищи по профессии, знакомые по цеху или смене, иногда даже друзья.

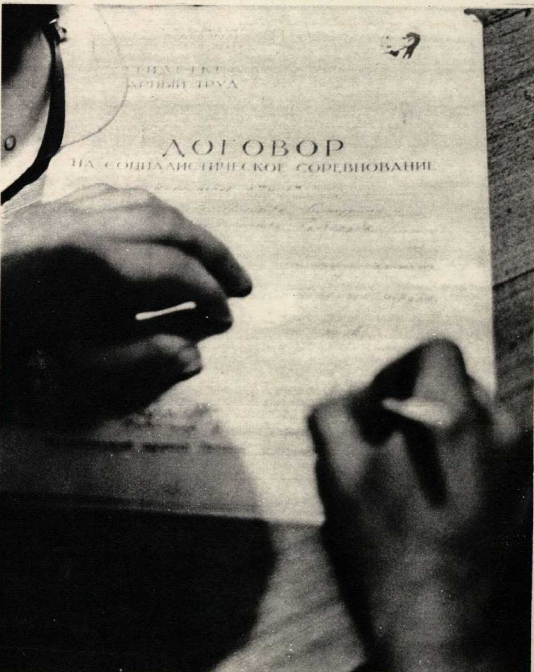
Чаще всего пары соревнующихся образуются исходя из силы соперников. Всегда ли это правильно? Все-таки социалистическое соревнование не спортивная борьба, вряд ли здесь необходимо строгое соблюдение весовых категорий. Еще понимаю, когда совместный договор заключают два передовика: сила, познание на силу, все равно составляет силу. А слабость на слабость? Мне кажется, что самый удачный и самый оптимальный союз должен походить на тот, который составляют наш знакомые, сталевары Ерменко и Анциш. Здесь есть кому учиться и есть кому учить. Социалистическое соревнование — это своеобразная школа, школа мастеров и опыта, в которой и преподавать и сидеть за партой одинаково почетно и одинаково ответственно.

Мне рассказали поучительную историю об одном трубопрокатчике. Человек он известный, даже знаменитый. И по заслугам. Работает — залюбуешься. У такого поучиться, с таким соревноваться многим бы хотелось.

Подходит к нему товарищ по цеху, предлагает себя в «соперники и слышит в ответ: «Нешто ты мне пара? Другой прокатчик и проент договора подоготови, но знаменитость да еще читать не стави». Ты еще без штанов ходил, когда я рекорды ставил».

Вот так и перебрал «соперников», как разборчивая невеста. А сейчас жаждущих соперничества с ним силами не находится, и остался человек один.

У всех рабочих завода, у каждого коллектива есть обязательства по повышению производительности труда, освоению новой техники, улучшению качества, экономии металла, электроэнергии, топлива... Особый пункт посвящен укреплению трудовой дисциплины. Что же это за соревнование? Дисциплина есть дисциплина. Поэтому, когда в начале пятилетки смена мастера Андросенко выступила со своим почином (или, вернее, с призывом), противников у него объявлялось предостаточно. И о свободе личности говорили, о том, что

НАУКА: СОЦИОЛОГИЯ

Сергей АБРАМОВ

ВРЕМЯ УБИТЫХ И СЧАСТЛИВЫХ

Это не детектив, читатель. Здесь не будет головокружителей и их погонь, джипов и охотничьих ставок, пистолетных выстрелов или холодной стали ножа — классических атрибутов слова «убить». И все-таки

будет следствие: как убивают время. Как мы убиваем время — ежедневно, бесстыдно.

Одни изобрели потт сожалею как то: «...Падают минуты повздоно и поротно. Начиная с самого первого января... Мертвые минуты выстраиваются в века... Зачем люди плачут? Чего докторам жалуется, что мало успеян сделать, что жизнь коротка?»

Итак, речь пойдет о преступлении. Но преступлении особого рода, исследованием которого занимается отнюдь не криминалистика, а социологи — занимаются давно и всерьез, на кривой научной основе. Выясняют его причины. Находят виновников. Борются с ними — и это, кстати, тоже имеет свой криминалистический термин: «профилактика преступлений».

Короче, поговорим о времени. О нашем свободном времени. О том, как мы к нему относимся.

«Чуть позже четырех часов пополудни из проходных Челябинского трубнрокатного завода выходит рабочий первой смены. Впереди у них — долгий вечер трудового дня, или, как говорят социологи, «внербочее время» — вторая составная часть общего бюджета времени трудящихся».

Социология делает внербочее время на четыре составные части (бывает, на пять или больше: важно не количество, а суть):

1. Время, связанное с работой на производстве. Это подчас долгое путешествие на трамвее или автобусе до дома, отнимающее у челябинских трубочников от десяти минут до целого часа.

2. Время на домашний труд.

3. Время удовлетворения физиологических потребностей. В переводе на общедоступный язык — сон и еда.

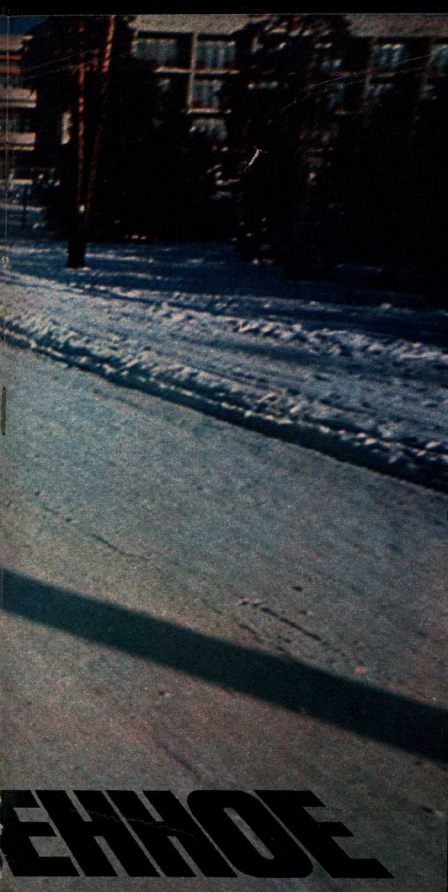
4. Чисто свободное время: учеба, самообразование, чтение, занятия спортом, участие в художественной самодельности.

Первый и третий пункты обязательны для всех. Челябинцы здесь тоже не исключение: они исправно ужина-

ют, спят без спонсируемых или с овнами, ездят в автобусах и трамваях, про себя или по весь голос впроклятая городской транспорт. Впрочем, проблема транспорта была несколько лет назад частично решена с помощью завода: один миллиард десяти тысяч рублей, примерно треть сметной стоимости, внес завод на сооружение трамвайбусиной линии от центра города до заводских проходных.

Пункт второй тоже был бы обязательен для всех, если бы львиная доля его не падала на женщин. Подсчитано, что домашний труд в СССР в целом поглощает около ста миллиардов человеко-часов! И преимущественно это женский труд. И здесь челябинцы не исключение...

И, наконец, пункт четвертый. О нем мы поговорим подробнее, потому что

к книге, сделать постоянным посетителем своего кабинета фотоаппаратом одного из тридцати первоклассных фильмов, расположенных непосредственно в цехах завода. Работники заводского спортивного клуба «Босход» тренеры, инструкторы проводят зимние и летние олимпиады, соревнования между цехами, вместе с комсомолом организуют сдвиги юни-ГТО, рабочие всех поколений. Руководители самостоятельных коллективов Дворца культуры приходят в цеха, устраивают тем смотри цеховой художественной самодеятельности, приглашают в танцевальный ансамбль, в хор, в народный театр. Средний образовательный уровень заводской молодежи — 9,4 класса — цифра не маленькая — и в плане социального развития коллектива трудящихся предусматривен рост этой усредненной «социологической» цифры. И рост этот идет.

Вот вам типичные факты, характерные для большинства заводских коллективов, где, повторяем, знают, что время можно не убить, а занять. И если вспомнить, что на Челябинском трубном заводе молодежи до 30 лет более трех тысяч, а потом сложить число участников самодеятельности с числом спортсменов и так далее и так далее, то получится впечатляющая картина: все три тысячи с толком и вкусом проводят свое свободное время.

Так это?
И так и не совсем так.

Не вся молодежь. Пусть многие, пусть даже большинство, но не все.

Попытка провести краткий социологический опрос на заводе привела к неожиданным результатам: несколько противоречащих радужной (и все же

верной) картине, нарисованной выше. Например, четверть опрошенных на вопрос «Что вы предполагаете делать сегодня вечером?» ответила так: «Пойдем на танцы». Сорок процентов опрошенных собрались в кино или в клуб — с девушкой и тоже танцами, только под магнитофон или проигрыватель. Оставшиеся участники «эксперимента» на наш вопрос отвечали легко и бездумно: «А черт его знает! Придумаем что-нибудь».

Среди опрошенных были и участники самостоятельных коллективов при Дворце культуры (просто в этот день у них не было репетиций) и спортсмены (кто-то на следующий день собирался принять участие в цеховых соревнованиях по легкой атлетике). Да и в конце концов и танцы и поход в кинофильм состоялись именно в заводском Дворце культуры — по плану, разработанному на месяц и утвержденному заводком. Так это, так — и спорить нечего! Но что утерпела свободное время под девизом «Придумаем что-нибудь!» Вероятно, не заводом и не комитет ВЛКСМ. Комсомольцы сами готовы взять за ручку этих ребят в бассейны и отвести на стадион, в бассейн, в самодеятельность — играйте, бегайте, пойте хором и соул! И берут участие. И уговаривают. Но...
Ах, это прокатом «шлюз»! Как это портит прекрасную статистику ученым-социологам и высокие показатели — комсомольским активистам! Но почему, почему портит? Почему комсорг приходит к рабочему парню и уговаривает его чуть не со слезами: «Спой, Вася, на смотре. У тебя же тенор...» А Вася умоляет: не везет! «Адаст отсуа» — свиной. Или физорг просит спортсмена: «Поезжай на

на разных предприятиях к чисто свободному времени рабочего относятся по-разному, и сбалансированная фразы «Как бы убить вечерок!» может быть не произнесена, если руководство предприятия, общественные организации помогают рабочему его занять.

У челябинских трубопрокатчиков есть свой Дворец культуры, стадион, Дворец спорта, библиотеки, профилакторий «Изумруд», заповедные бамбук-овые джунгли, пункт вольера спортивного инвентаря и даже санаторий «Голубая горка» на Черноморском побережье в Сочи.

В завком привыкли, что ежегодно каждый второй рабочий пользуется путевками в заводские здравницы — и это точная цифра. Библиотекари пытаются каждого рабочего приобщить

**ПРОФИЛАКТОРИЙ «ИЗУМРУД» —
ЛЮБИМОЕ МЕСТО ОТДЫХА ТРУ-
БОПРОКАТЧИКОВ.**

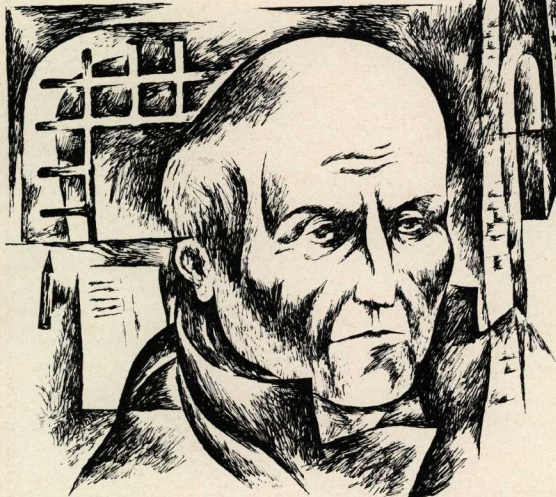

КАССИР

Первую трубу прокатала пильсерная клеть, завулканизация с Мариупольского металлургического завода имени Ильича. Один из пильсеров завулканизация оборудования послужил темой рассказа челябинскому прозаику.

Адольф ШУШАРИН

Былль

Рисунг Владимира ДЕЛЫБ

В а завулканию всем выписали повышенный аванс, поскольку никто не знал, как пойдет дело: дорога она дорога и есть.

Шшелона с оборудованием целых и основным народом обыв в воскресенье, а в понедельник должен был уйти последний состав с разной мелочью, нужной на новом месте. Знать ее отрядили людей, которые посмелее.

Оставшимся выдавал деньги горбатый кассир заводоуправления Филокин. В понедельник утром он, одетый, сидел в кассе на своем обычном месте и глядел в зарешеченное окошко.

Утро было ветренное и сырое. В комнате дуло, как на улице, потому что стекло в окне не было — высыпались от бомбежек. Филокин не знал, сколько времени ему придется сидеть в кассе, спрятав в рукава. В окно ему видать было часть заводского двора, проходную и площадь за ней. На площади рбылись большие лужи и ходили голыдные, вздерженные голубы. Проходную никто не открывал, и это обстоятельство злило Филокина больше всего. Получалось, что завода нет, а он, кассир Филокин, пребывает здесь случайно и последние часы.

В окошко, устроенное в глухой деревянной стене по правую руку от кассира, застучали не-

терпеливо и громко. Филокин повернул на стук узкое, с глубоко сидящими глазами лицо и погодил открывать, потому что касса не плавной ларьки. По стук он соопределил, что явился слесарь Марин из четвертого цеха, непутевый парень и любитель выпить. Филокин убрал задвижку, выжда определенное время, и строго посмотрел на Марина. На голове слесаря была шапка-ушанка без негового уха, а сам он весь перемазан грязью и провонял дымом.

Марин нисколько не удивился, обнаружив кассира в привычном месте: сколько он помнил себя на заводе, Филокин всегда сидел здесь. Но время было смутное, и Марин на всякий случай решил похалить Филокина.

соревнования. Чемпионат области назначается». А спортсмен посмеивается: «Кто же меня отпустит?»

Несоизмеримая молодежь, скажете вы. Стядно за нее, скажете вы. Скажете так и будете правы: не вся молодежь «сознательная». Но только ли в ней дело? Только ли несоизмеримая молодежь составила те самые тридцать пять процентов ответивших: «Придушем что-нибудь!»

Давайте в этом разберемся. Дворец культуры трубноркатчиков построен шестнадцать лет назад. Есть зрительный зал на шестьсот мест. Есть большое фойе, где устраиваются

вечерние танцы. Есть просторные классы для танцоров, балетов, оркестрантов, художников. Наконец, есть та самая утвержденная законом программа работы дворца, еженедельной работы. Завершена программа лекционная, авторская, способная привлечь во дворец людей с самыми разными вкусами и привязанностями.

В хоре русской народной песни участвует около восьмидесяти человек. В разных танцевальных коллективах — более пятидесяти, да еще есть подготовительная группа для любителей танца. Есть небольшая вокально-инстру-

ментальный ансамбль и еще один — помельше и менее профессиональный. Есть другие коллективы — с прекрасными руководителями, с молодыми участниками, чей энтузиазм и умение приносит заслуженную славу трубноркатникам на различных смотрах и конкурсах.

Но — стои! Вот мы и дошли до «различных смотров и конкурсов». Да, действительно участники хора или танцевального ансамбля так велики, что эти коллективы успешно выступают не только в разных городах нашей страны, но и за ее пределами: в ГДР, например, в Чехословакии, в Финляндии.

Многие самодеятельные артисты сегодня ушли на профессиональную сцену — в Новосибирск, в Омск, в Йошкар-Олу. И еще многие готовятся к этому авану.

Но только ли для того существует самодеятельность? Только ли для того, чтобы хороший слесарь, к примеру, стал затурь танцором в каком-нибудь огромном ансамбле? Нет, конечно, и сомневаться не стои! Самодеятельность — это прекрасная форма отдыха рабочей молодежи. А уход в профессионалы — это побочное явление. Его можно приветствовать, можно осуждать, но отмахнуться от него

— Молодец, хрчч! — сказал Марин. — Дело соболаше.

Хоть Марин — все знали — был шаловый, кассиру стало приятно, что его похвалили, но видно он, конечно, не подал, а отсылая в ведомости фамилию Марин знает, где раскисать, и отсылал деньги. Выбивая красивые тридцатки перед носом Марины, Филокин еще раз пересчитал их и сказал, чтобы Марин проверил деньги, но отходи от кассы.

Марин не считая, сгрэб деньги и ушел, но вскоре воротился.

— Слышь-ка, старик! — заорал он через стуну, так как Филокин уже затворил окно. — Парторг сказал, чтобы ты сидел. И куда?!.. Полая! Попеременно победить будут. Слышишь?

— Слышу, — сказала Филокин, и Марин ушел. После ухода слесаря кассир сосчитал в ведомости людей, не получивших деньги. Их вышло семнадцать, не сумму плат, а сумму со рублей. Филокин старая облезлая шапка, проверил деньги и опять стал спокойно глядеть в окно, потому что в сейфе столько оно и было — пять тысяч сто.

Во дворе копошились вокруг машины люди, грудами железа.

Единственная эта машина осталась в турнике, где стоял состав, и обратно почти беспрерывно. Филокин крикнул, что если так пойдет дело, то в вечеру они управятся. Среди людей у машины он взглянул парторга в теплогрехе и с нагином у пояса оружием, но было видно, что Филокину томе не понравилось: мало ли что... Постреляли где-то поблизости, но кассир не совладал, он знал, что горюд запланировано сноваться ночью, — слышал такой разговор. Пренебрежительно он посмотрел стрельбу, и в этот момент, что хорошо бы дотан на какой-нибудь станции своих, чтобы сообразить прибыть к новому месту.

Но площадь перед главными воротами завода вывели для красноармейцев с ручными пулеметами. Отдавшись, они переперелись к проходной и залегли так за бетонным порогом. Прозонная, таким образом, оказалась опоязанной, и Филокин удовлетворенно подумал, что порядок пока рано или поздно, а вернётся ли, бывает того, чтобы не вернуться. Успокоенный боевым видом красноармейцев, он подумал даже, что все еще образуются, отгонят немцев, и заводские вернутся, но суверено прогнал хорошие мысли, чтобы не испортить дело. Заглядываясь, Филокин знал это на собственном опыте. В молодости он загадывал, что, может, найдется какая женщина и полюбит его, но глядя на горь. Не нашлась. Потом устроился на завод и думал, что, дотанет до пенсии на сподручной работе, а оно оно как повернулось...

Филокин приговаривал ведомости, чтобы человек, когда придет, мог расписаться без задержки, но на вестнике затолкал сапоги, и слесарь Марин заорал снизу, чтобы Филокин выкатывался на волю.

— Шевелся! — кричал Марин. — Немцы! — А как же деньги? — удивился Филокин, но никто ему не ответил, внизу стали стрелять. Тогда кассир грабово деньги по карманам, а Филокин, зинисский карандаш, чтобы было чем расписаться, и побежал к выходу. Ноги еще служили ему исправно.

Слесарь Марин подождал кассира в подъезде, выскочил винтовку наружу.

— Отступай к западной проходной, — приказал он Филокину и башнул из винтовки неизвестно куда.

— Дура! — решил кассир. — В войну играть.

Но Марин в войну не играл, Филокин понял это, когда выкатился из подъезда и едва не наступил на парторга, лежащего поперек дороги. Парторг стрелял из нагана и даже не взглянул на

Филокина. Кассир оглядываясь, увидел, что на площадь перед проходной въезжают мотоциклы, и побежал вдоль забора к противоположным воротам. У проходной сразу ударил несколько пулеметов, и кто-то закричал длинно и тонко.

Внезапно Филокина отпустил шифер с полугорки Степанов, шумно тамельный и волостый. Он был без оружия и скоро задохнулся. Кассир наступил его за углом цеха и упал рядом. Степанов кричал и плелся вязкой спиной.

— По домнам надо раскисать, немцы в данный момент взяли, — сообщил он Филокину, но что в данный момент это вопрос не интересовал.

— Расписишь! — сказал Филокин и подал карандаш шиферу, опасаясь, как бы тот не издумал бегнуть к карнавалом. Он сунул шиферу деньги и побежал дальше, чтобы поспеть перебраться у западной проходной остальных.

«Мало ли что — станцию заняли, — размышлял он. — Хоть на площадке, хоть пешком — без денег мышо не отступим!»

Рабочие перебежали в глубь завода, отстреливаясь, хотя немцы за проходную входили не решались, а палили по заводу прямо с площадки. Толку от этого не было, а шум был карнавалом. Карьерный ствол за каменным углом и старая по шуму определить, как идет бой.

Минут через пять к нему присоединились все-таки или десять рабочих, и он немедленно выдал им деньги, потому что у него войной, а ведомость должна быть закрыта.

Подбежали парторг, Марин и красноармейцы с пулеметом, другого убили.

— Все! — закричал Марин. — Недогод мучилась старуха!

По всему городу шла стрельба, и ничего нельзя было понять. Тишина стояла только в одной створе — за старой железнодорожной веткой, которая шла от завода к каменным карьерам. Этой веткой пользовались, когда строили завод.

— Отходи от карьерам, за ними дорога! — приказал парторг и с сомнением посмотрел на Филокина.

Филокин дал парторгу расписаться и спросил, где остальные.

— Разбежались, должно быть, по домнам, — ответил парторг и понохал простреленную руку; из нее капала кровь.

— Отступай надо, — сказал красноармейцы, ступил о рельсы ненужный пулемет и полез с наспич. — Дорогу переверну.

Филокин подумал и отстал потихоньку от всех, чтобы не мешать отступлению. Он решил потоптаться пока у насыпи на случай, если кто остался на заводе и будет пробовать вернуться. Он вышел в рельсы, достал ведомость и пересчитал деньги, он не любил работать вполурки.

Рельсы были густые, с широкими лопухами, Филокин ниоткуда не было видно, и если бы не сырость, был бы совсем хорошо. Филокин лежал тихо и недвижно, наблюдая за видимой частью завода. Об ушедших он не печалился: деньги они получили.

Немцы постреляли издала по заводу, посовещались и решили обследовать территорию. Филокин видел как они, выставив вперед автоматы, осторожно прошли проходную и расписались на группы. В путанице створений он скоро перестал их различать, но слышал хорошо. Прочесав завод, немцы уехали.

Филокин пожелал еще с погнесса, но никто больше из завода не выходил, и кассир решил идти в город. Городок был небольшой, Филокин знал, где живут не получившие деньги рабочие, и надеялся застать их дома.

Он не дождался стрелять угу. Ведомость подхватывал ветром и понесло по улице. Потом оно прилипла к влажному асфальту и отсталась там — маленькое пятнышко на черной земле.

ИСТИНА

Не спрашивай зимой, тепло ли на улице
И было ли, когда тебе разболит.
И страшно ли, когда ничто
не существует...
Не спрашивай, об этом полагали...
Не потому, что мы с тобой
неискренни.
Не потому, что все это неизвестно.
А потому, что так условия истины,
что лучше мы об этом полагали.

ОБРАТИТЕ ВНИМАНИЕ!

Вы увидела женщину:
Волосы — снег.
Шла по улице медленно,
Что-то себе говорила.
До сих пор не помню,
То ли в боль, то ли в смех
Эта женщина улице душу свою
отвернула.
— Обратите внимание! — эти слова
Вдруг мне обожгло сердце.
Показалась большими словами,
А на небе таяла белая снежинка
И огромное солнце...
На что обращать мне внимание!
— Обратите внимание! — сказал
я, и аммо меня,
А на что обратить, я конкретно
у ней не спросила.
Но обычное утро такое
обычного дня
Показалось прекрасным с такой
неожиданной силой.
Я не стану гадать,
для чего она встретилась мне
И вопрос задала
или просто сказала в пространство...
Ей спасибо за то, что идет по земле
И тихонечко будит,
тихоначо будит прекрасное.

Ирина КОТЕГОВА, сотрудники газеты «Челябинская правда»

ПРОЩАНИЕ

Вечер сиреневым облаком
Твои любуется на плечи.
Я не прошоюсь с городом,
Я не надеюсь на встречу.
Будет забыты в памяти
Клевоо сумке принтер,
Улица без асфальта,
Она твоей квартиры.
Буны заброшены в угол
Писем твоих конверты,
Просто немому будет
Мне напомнить об этом,
Просто мне будет немому
Счастье свое доверить.
Просто мне будет некогда
В тебе как в удану, верю.
Но где-то в комнате сердца
Вспомнит остануся грузом
Глаза твои серые-серые,
Глаза твои вечерние,
Домик, раскисный звоном,
Прости мне мою привязанность,
Встречи мои последние,
Встречи мои прошлые...
— Она штрикует в перьях,
В зеленъ запретан вечер.
Жаль, что, прошоюсь с городом,
Я не надеюсь на встречу.

велью. Да и как отмахнуться, если больше половины участников заводских самостоятельных коллективов на вопрос: «Что для вас занятия в самостоятельности?» отвечают: «Путь на профессиональную смену».

И, вероятно, это естественно. Каждый руководитель коллектива, занимающегося сейчас работой с заводскими ребятами так, как работала бы с профессионалами, — без скидок на усталость или неуменье. Усталость на заводе — брющая тачка. Не умеешь работать — работаешь самостоятельно, перестает быть отходом, а становится работой. Профессий.

Путь прекрасной, заманчивой, любимой, но тяжелой. Опыт-таки профессиональ. И девушка или парень, пришедшие на завод из профтехучилища и мечтающие стать мастерами, или студенты, десять раз подумают, прежде чем поступить в хор или танцевальную ансамбль. Стоит ли выкладываться? Вот если бы могли попеть, или потанцевать, или играть на гитаре поучиться...

А «простое» не получается. Места не хватает. Преподавателей не хватает и денег. Да и зачем «простое», когда самостоятельность завода известна и слава! Пока она

еще называется самостоятельностью...

Поимте правильно, а я против профессионализации самостоятельных коллективов: именно так пришел на смену усталости, чья замена известна сейчас всей стране. Но я не только хочу, чтобы рядом с ними работали коллективы не для славы, а для души. Чтобы рабочие парни не «чуждались» своим заводам, а были, как ни грустно, это «чуждаются» только всегда оказывается тривиальной вынуждено. Хорошо еще, если в компании и денег. Тут ведь и подъезд ставен самостоятельной.

Карл Маркс писал, что мы идем к

обществу, когда «мерлом богатства будет уже не рабочее время, а свободное время». С увеличением свободного времени опубуемые нами проблемы становятся неактуальными. Молодые рабочие завод создали в общежитиях два клуба по интересам. В мужском общежитии — клуб «Современники», в женском — «Ура-дочки». Собираются, приглашают общежитие человека с интересной

биографии или с интересной профессией, слушают его доклад впрямую — те, которые их действительно интересуют.

Точно так же — «по интересам!» — встречаются рабочие завода с актрисой Челябинского драмтеатра имени Чкалова, ходят к ним на спектакли, обсуждают их, иной раз поругивают.

И точно так же — «по интересам!» — проходят выходные дни, заранее заявляя о своих желаниях: кто — в театр, кто — на стадион, кто — в кино. А о билетах заботится Штаб выходного дня: куда мастер или бригадир приносит заявку.

И, конечно же, любая такая инициатива поддерживается и комсомольской, и партийной, и профсоюзной организацией.

Бывает, правда, когда хорошая инициатива, мгновенно выросшая в громкое и крупное мероприятие, оказывается непродуманной, подвешенной раньше времени. И, главное, раздутой раньше времени.

Задуман как-то комсомольцы создать Клуб молодого трубопроточника, на заседаниях которого вестернам завода могли бы делиться опытом, чествовать молодых победителей социалистического соревнования. Задумали — сделали. Появился на заводе клуб с трюмкой именем — «Факель». На первом же заседании десятеров передовиков пригласил в совет клуба, подвизал их и сам директор завода. В вестерны — Герои Социалистического Труда, вручили удостоверение клуба, где сказано: «За творческое от-

ношение к труду, за активное участие в общественной жизни товарищ такой-то принят в члены Клуба молодого трубопроточника».

С тех пор состоялось уже пять заседаний клуба. Сегодня в почетном составе двадцать шесть человек. Причем ритуал заседаний существенно не меняется. Цель их — увещание совета. Ну и до каких пор? До двадцати человек? До ста? А дальше? В комитете ВЛКСМ завода всерьез задумываются о том, что клуб «Факель» становится пустой и смехотворной формальностью. В самом деле, ведь не для радости почетных удостоверений он создавался. А для чего? Этого комсомольцы пока не знают. Подчеркиваем: пока. Хорошо — если-таки хорошая инициатива должна быть и будет доведена до конца. Жаль только, что теперь ее приходится спасать...

Трудно давать советы со стороны, но, думаю, идея такого профес-

ВЫСТАВКА ЗАВОДСКИХ ХУДОЖНИКОВ.

В ЭТОМ БАССЕЙНЕ РОЖДАЮТСЯ РЕКОРДЫ... ЗАВОДА.

ИДЕТ КОНФЕРЕНЦИЯ!

ТАНЦЕВАЛЬНЫЙ КОЛЛЕКТИВ ИСПОЛНЯЕТ ИНДИЙСКИЙ ТАНЕЦ.

сионального клуба должна захватить всех молодых рабочих, а не только передовиков производства. К сожалению, процент сменности кадров на заводе достаточно высок. Не удивительно: трудное производство, трехсменная работа. Значит, нужно заинтересовать молодых, заставить их жить в дебри завода, а не обывать смену от звонка до звонка. Клуб молодого трубопроточника — форма привлечения рабочего к обсуждению вопросов, его бригады, занятия, в трубоводежду как-то — пусть небольшим пока! — участием работы. Молодой рабочий должен познать свою роль в управлении производством в организации его производства, что именно он нужен производству: не он — слесарь, механик или сварщик, а он — Иванов, Петров, Сидоров.

Вот когда придумается идея Клуба молодого трубопроточника — общезаводского клуба с отделениями в цехах и даже бригадах. Такой клуб — или подобный ему — даст возможность втянуть в общественную жизнь каждого молодого рабочего. И тогда проблема его свободного времени перестает сводиться к пресловутому «субьему вечеру».

В свое время на одном из московских заводов соиниоли проводил анкетирование, целью которого было изучение духовных интересов рабочего, его отношения к труду. Восьмидесять два процента рабочих назвали лучшей работой ту, которая возлегла обещанию, но, главное, в которой кто сам принесешь больше пользы, где ты необходим. И лишь два процента опрошенных ответили: «Хороша любая работа, если она хорошо оплачивается».

Мы не проводили такого анкетирования на Челябинском трубопроточном, но, думаю, результаты были бы те же. А объективнее: чем больше человек активизируется в работе, тем больше, шире его потребности в свободное время. В тех анкетах был и такой вопрос: «Если бы сейчас сократился резко рабочий день и Ваше свободное время увеличилось, то как бы Вы предпочли использовать это время?»

Соиниологи получили ответы: «Пойти учиться в техникум, школу или институт, больше читать» — 27%; «Опрощиваться».

«Чаще ходить в театр, заниматься каким-нибудь видом искусства» — 17%; «Опрощиваться».

«Заниматься спортом» — 22,5%.

«Заниматься радиоамбуазацией» — 18%.

У челябинских трубопроточников есть все возможности для того, чтобы преодолеть свободное время с максимальной для себя пользой. Сегодня мы попытались рассказать о некоторых причинах, по которым возможности эти — увы! — не всегда используются. Иная иначе: не до конца используются. Вот и приходится людям идти на предложение, которое не записано в Уголовном кодексе, — «субывать время». Как его «субуть!» — вопрос несложный.

Как его занять? — выноуго сложней.

— айдом ко мне... — повторял Саша Русаков. С батей познакомились. Ну и вообще...? Пошли! Нескоро и к оидней, с утра и до вечера, я провёл на заводе, разговаривая с вальцовщиками, слесарями, начальными цехов, комсоргами, мастерами, механиками, журналистами из заводской многогитарии... Я старался задать вопросы, как мне казалось, поточнее, поспокойнее, и мне старательно на них отвечали. Водили по заводу, знакомили с новыми и новыми людьми — передовиками, производственными мастерами — золотые руки; и эти новые для меня людям я тоже задавал вопросы. Огромный, ночью и днём дышащий завод с его лагами, пламенем печей, шорохом кранов на высоте, расклеванным металлом обступал меня своими проблемами, своей несвоей милой и непросто жизнью, своими правами, историей, отношениями между людьми, и сложная эта заводская жизнь как-то все дальше отдалялась от меня, уходило главное, терялась суть...

А оставался? Оставился репортёрские вопросы: «Остался в Челябинске, «когда пришли на завод», «почему стали вальцовщиками!» Слесарей? Механиков?

Саша Русаков — двадцатипятилетний старший вальцовщик из пятого цеха — тоже показывая мне цех, объяснял устройство своего уникального стана холодной прокатки труб — «50 лн и устройство сошки стана», «у него такти уникальные: знакомил с ребятами из своей бригады и из других бригад, а после одной из смен, которую я честно отстоял рядом с Русаковым, Саша вдруг сказал: «Слушай, я ведь рядом с заводом живу... Может, зайдешь?»

Ключю все-таки власть немой над нами восприятия. Саша Русаков открыл калитку, поменял, прогнали меня вперед, и я вошел в чисто убранный из снега двор с кустом сирени под окнами, с абрикосом в снегу, с садом котом, вьющимся у закрытой двери.

— Вот, значит, здесь и живем... — приговаривал Саша, когда мы проходили через холодные, туманные ворота и встал за котом, вводя в дворовый двор... — Почти всегда так сказать, русовским кланом... Еще сестра старшая с нами жила — уехала в мир на КамААЗ... Да не снимай боини. Не надо...

Я слышал Сашу и не слышал. «Ну да, так все и есть: кухня слева. Потом большая комната — зал. За ней маленькая. Узкая, длинная, как нарядная чернильное платно перед входом. В платно, что ли, классе опрокинут чернильницу...»

Я знакомился с родителями Саши, с братом Колей и с женой брати Коля, но сам еще никак не успел познакомиться и не находил. Да и откуда ему быть здесь — чернильному моему платно? Просто случайное совпадение: дом Русаковых как две капли воды на дом, в котором я вырос. Только было это на другой улице. И другая цвела весной сирень под окном. Да и город-то ведь был совсем другой. Кошачь в это отголоски времени — и вспоминалось. Ясно так. Как в сердце вступило.

Я сидел на табуретке, молча смотрел на платно пригнанные, замаяченные попончики, отца Саши и Коли Петр Семенович перевел упорный мой взгляд в пол, истопивший его повою:

— Как в горюх девятом построялся — не перестали пользы. И ни

одна половина не ходит... До этого только дома мы в борюх жили. Когда мать свою понесли — решил: построясь. гараж укастом дал. Лес. Цемент. Строил сам после работы. Товарищи, конечно, помогли. А как же — свои ребята, швореры... — Ну что ты, батя, — быстро сказал Саша. — Чего вспомнить-то? Мало ли что было! И когда...

Саша говорил, а сам смотрел на меня, как бы изнывая за отпад: «Воспояния батя не ко времени этот гараж... Ну значе? Живем нормально. При чем тут сорок девятый?»

Петр Семенович заметно смущался. Наклонил строгую ногу до «боксов голору, потрогал пугуюну у горю. Растегнул. Слова застегнул твердыми, короткими пальцами. Это уже я уже видел. У Саша. Вчера, когда неожиданно полетел вал дифференциального механизма редуктора подачи.

Смена началась без суеты, без задержки, работа шла споро, сосредоточенно. Оставалось прокатать около шестидесяти метров труб, когда это случилось. Стан остановился, омертвел, и а цехе даже как-то стало тише. И я говорить хотелось вполголоса.

— Не первый раз вал это летит... — сказал Русаков с досадой. — Не выдерживает нагрузку, что ли? Говорили электростальщики, а результаты от наших разговоров — только что валы мизанем.

Стан, на котором работает Русаков, — опытно-промышленный. Он специально придуман для производства холоднокатаных труб большого диаметра из труднодеформируемых сталей и сплавов и построен под Москвой, в электростали. Длина стана — двадцать метров. Рабочая обойма — главный его орган — весит сорок девять тонн, но движется легко, без всякого видимого напряжения, издает даже громче не из стали сделанной обойме, а из чего-то вовсе даже невесомого.

Все операции: поддача заготовки со стале, повороты прокатываемой на конической парной трубы, передвижение оправки и многое другое — автоматизированы. Вальцовщик стоит или сидит у пульта, вроде только «кнопки нажимает», а стан работает, прокатывая трубу за трубой. Трубы получаются с внутренней и внешней поверхностью шестого — восьмого, а то и выше класса чистоты. Геометрические размеры труб тоже повышенной точности.

Добавлю еще, что стан, на котором работает бригада Русакова, не у одного места вызывает понятное ощущение парадности: такого стана пока еще нет ни на одном трубопрокатном заводе ни в одной стране...

И не могу сказать сейчас точно, сколько это длилось, час, два или больше. Но факт остается фактом: Саша Русаков, подручный Володя Алферьев и вальцовщик Ваня Чуглаев сумели быстро поставить новый вал. Конечно, слесари ни помогали.

Несколько работ задала бригада Русакова. Как они работали? Разумно, крепко в движении, но точно, четко, скрупуло. Они понимали друг друга без лишних слов. По жестах, по взглядам...

— Ключ!

Ключ ложится в протинушку ладонь.

— Поддержать?

— Есть!

— Вал не идет?

— Пойдет. Поддержай. Еще немного не себя. Еше... Пошел.

А что говорил? — Боят не лезет? Другой попорбуй. Ага, точно эстет. Теперь мы его затянём. Еще. Еще немного. Хорош! Ваня Чуглаев, вращая к кому не обращая, тихо говорит:

Делегат XVII съезда ВЛКСМ

Сергей СМОРОДИН

ПРОДОЛЖЕНИЕ

— Охота еще хоть пару труб прокатать...

В голосе нет ни горчичности, ни бесполокочности — естественность. «Охота» значит, так и будет. Поставим этот вал. Прокажем...»

Я смотрел, как работают ребята, и переживал: «Вдруг не успеют до конца сменить! Вдруг что-нибудь помешает, сорвется!» Хотелось, чтобы все быстрее было сделано. Хотелось результат знать, заглянуть вперед. Иконечт-то!

Алферьев — высокий, сильный, не руки — рычаги — затягивает последние гайки. Лицо напряженное, багровое. На верхней губе калыпки пота. Последнюю затянул. Спрыгивает, вытирает ветошью руки.

— Ажур!

— А как же!

— Порядок, — кивает Русаков. Он вытер темные от масла руки, аккуратно застегивает воротную пуговку на старинной-перестройной рубашке. Зароботал стан. Легко пошла взад-вперед, взад-вперед обойма, обжимая стальную заготовку. Успели. Прокатили еще три трубы.

Гавиль Ягулов, принимавший смину у Русакова, восторженно смотрел на Сашу, на Ваню Чуглаева, на Володю Алферьева: «Кант! Кант! Успели! Думали, что и нам на треть сивныя зветит с этим валом водяться...» У ребят в глазах задумчивость: «Сами не знаем, Успели... и все!»

Под глазами — тени. Русаков, записывая в «Журнал проката стана «ХПТ-50» под своей сменой, старательно выводит буквы, но перо все равно выводит неакkurat. Слышком оно воздушно после такой смены.

Посидели, перекурили и в раздевалку, в реальнейшей горючей душ. Немерзлованный турнирет прохондой. И мимо белых деревьев к трамваям, троллейбусам, автобусам — домой. Смена кончилась.

— До завтра, ребята, — говорит Русаков.

— Ну, всего... — кивает Алферьев.

— Пока! — Это Чуглаев.

— Вот наш десятый «в», — показывает Саша фотографично в альбоме, — выпуск тысячи девяносто шестьдесят шестого. Посмотрите, кто кем стал! Виктор Шестаков — электрик. Еремин Саша строит газопровод в Средней Азии. Валера Марковский — инженер. Мародцева Римма — оцифрантка...

— Постояй-постояй... Еремин... Знакомая фамилия, — говорит Петр Семенович. — У нас на Магнитгорске Еремеев был. Он на бетоне чуть не по десять норм один давал. Но себе не записывал. Записывал лишние нормы тому, у кого кишка была тонка. Люди прямо в сорогание приводили, что свою выработку другим записывал. Да слез прошибал. В его бригаде даже самый слабый за двоих обогрочался.

— А это Коля и я в эрчим. Мы за одной партией сидели. В одном подразделении потом служили. И на завод вместе пришли. В один цех...

— Кто же все-таки старше! — спрашиваю я.

— Саша, — говорит Анна Андреевна. — Он на несколько минут раньше родился.

— Оно и видно, — смеется Петр Семенович. — Саша уже старший валь-

цовцы, а Николай пока просто вальцовщик...

— Николай молчит. Не подает виду, что это как-то его трогает.

— Подумаешь! — машет он рукой. — Мне не к спелу!.

— Не к спелу! — повторяет про себя Петр Семенович. — Что же это, мать, нахих-то фотографий и нет совсем!

— Откуда же им быть-то! Когда им фотографировались? На паспорт ведь...

— Не к спелу!.. Проща жизнь-то. Фотографий — их нет. Остался в с непонятным четвертым классом. Не к спелу!.

— Что-то в словах Петра Семеновича бередит душу. Затяжная какая-то печаль, досада, что ли, или грусть о чем-то. Петр Семенович змурится, уходит в другую комнату, потом на кухню, говорит новости, чтобы не нравилась на стол. Сам что-то там хлопчет у стола, зякает стеклом.

— Расстриваются! — говорит негромко Анна Андреевна. — На пенсию пошел. Тридцать лет как один день в четвертой автобазе продалась. Все на грузовой. На грузовой. Верите, за тридцать-то лет один только раз бюллетень брал! Пелед молодого зашиб. А так — с шести утра и до вечера. А то и без выходов. Без восхрипень. Вспоминишь — и не видела мушкетера...

И уж совсем шепотом:

— Не может без работы. Грузинском пошел. Стеняется говорить, что шофер классный — в грузинском. Но дремлет для машины не то...

Анна Андреевна прикрывает глаза узкой ладонью.

— Ну что ты, мам! — говорит Ни-

колай. — Ну чего? Зачем ты так!.. Когда мы десятилетку закончили, отец на своем стое: поступайте в институт. А мы на своем — работать пойдем. Туманно так представляли себе завод. Когда туман разошелся, в армяно пошел. И уж когда отсузжили, тогда только в техникум. Днем работаем, вечером учимся. Однако почти до диплома доучились! — говорит Саша. — Не так, что ли, отец! — кричит он громко. — Доучились ведь...

— Так-так, — говорит Петр Семенович, возвращаясь из кухни. — Пошли к двадцати пяти годам, что на заводе без образования ни туда ни сюда...

— Он сказал это просто, как будто под чем-то черту пошел. И не было в его голосе тоски, о чем он думал, сожалея и вспоминая несколько минут назад. Все это ушло далеко. Остался его смех, и он сидел рядом с детьми, и руки его, все еще сильные и крепкие руки, столько всего переделавшие за всю жизнь, лежали покойно на столе, на белой скатерти, и рядом была рука Николая, перебиравшего фотографии, и рука Саши, которая легко касалась материнской руки.

— У Саши руке-то легкая, — сказал мне про старшего Русакова его учитель Зыкин Борис Веняминович, сам переклассный вальцовщик. Именно Зыкин и еще один вальцовщик, Шершак, и осваивали новые станы коллоидной проекции труб. — Я тоже Александр Русакову рекомендовал и партию давал, между прочим, хотел об этой его способности написать. По тому подумал — лишнее. Но тебе ска-

жу: Саша, прежде чем какую-нибудь операцию начать делать, сначала быстро обходит ее со всех сторон, уж потом руками действует. Судите сами — за три года парня из подручного стал старшим вальцовщиком. Да еще на законном ответственном стане. Когда его в нашем цехе установили, к нему и подходит болякис. Называли «зеленым чудовищем...». Да... Я ребят знаю, которые по десять лет в подручных сидят и дальше двинуться не могут. Никто им стана и не доверит. Почему? Не в том дело, что кнопки нажимать на пульте трудно. Это как раз легко всего. Бегуны. Но пульт за пару дней обучит кнопки-то нажимать. Но вальцовщик, а тем более мастер: не всякий может. У нас в цехе: «Парень трубу чувствует. Пошел дело» — Инс! Глухой. Не слышит прокатки... Что это такое? Я думаю, это вроде слуха у музыкантов.

Я видел, как работает Борис Веняминович Зыкин. Он вел проект с уверенностью и сосредоточенностью большого мастера. Глаза его глядели на стан отвлеченно, как будто не приспало, но взгляд этот был думалоушным. Он видел малейший беспорядок в работе, и вся огромная машина с сотнями деталей и сложным движением отпочатывалась в душе мастера, и Зыкин знал, как стан поведет себя через несколько минут. Превидел и знал, и в этом было умение, гордость и тайна Зыкина.

Средний, обычный вальцовщик вроде и старается делать как мастер, а понять его умения не может. В усердии или там старательности он даже может превзойти мастера. Но главное в другом: в абсолютном понимании машины, в единственности с ней и в тайне опережать ее движение. — Зыкин удобно настаивал, — говорил мне Саша Русаков, почему-то делая ударение именно на слове «удобно». — Он чистей, открыт. Есть ведь мастера — все к себе гребут и ребит в бригаде по образу своему и подобию воспитывать, а Борису Веняминовичу удобно брат ребит в ученики. Он не жалует на них никакое времянка. А это, между прочим, деньги. Заработок. У Зыкина не то что каждая минута в счет идет. Он на каждой переарядке трубы около трех минут выжидает — сам секундомером замечает. За смену — двадцать в среднем переарядок. Вот весь час. Вот и трубу сверх плана. Помню, когда у Зыкина учился, скажет он мне: «Иди захвати кабельную. Делай, конечно, медленно. Конечно, возышься. Зыкин не терпит, не оттолкнет! «Копавшись...». Лучше самому!»

— Он сказал это просто, как будто под чем-то черту пошел. И не было в его голосе тоски, о чем он думал, сожалея и вспоминая несколько минут назад. Все это ушло далеко. Остался его смех, и он сидел рядом с детьми, и руки его, все еще сильные и крепкие руки, столько всего переделавшие за всю жизнь, лежали покойно на столе, на белой скатерти, и рядом была рука Николая, перебиравшего фотографии, и рука Саши, которая легко касалась материнской руки.

Уже заселились в комнату отца, уже говорили мы дружно и по соседству и крест-накрест и деловым образом о том, куда из комсомола в Челябинском доме, куда я пришею всего какой-нибудь час назад и скоро уже уходить пора. И это знало, отчего мне и тогда-нибудь эту кантичекую, унучку ли снова сирень под окном и черного котика, скребеющего в закрытую дверь...

Я думал об этом, а Петр Семенович никак не мог сосредоточиться на своем светлым своим взглядом: «Подрастросся я чего-то дачека. Посмотрел на своих ребят и себя вспомнил. Как я призрачно на дачека жить проскочила. Поминаться, про что?»

Саша и Николай звали какой-то специальной разговор, и термины, ко-

торые я не раз слышал в этом цехе — «реборада», «шлеппер», «ское прокатки», «заву», «ево», «сно», «сторона», «столом». Саша волнует, хочет, видно, доказать что-то и не совсем, может быть, прав, потому что Николай уверенно говорит:

— Да не так... Ошибка здесь... Не пойдет дело...

Петр Семенович смотрит пристально на меня, то на сына, вглядываясь, кончат, по-вашему, что-то спросить и, может, по деликатности своей не решается.

— Ах ты! — говорит он. — А что же мы песню-то не завели... Как же ведь песни за столом!

— Дай тебе поест, — говорит Анна Андреевна. — Командировочный человек. Неудобно. Когда поест, когда не поест, ты вводи...

— Знаю-знаю, — охотно соглашается Петр Семенович. — По поводу уезжал в командировочном. На лето поехал. Не уборочному... Менья тоже в газете хвалили... Дескать, днем и ночью передовой водитель Петр Русаков за рулем...

Как мы не смеяся. Я же Сашку люблю знаю. То тверже. Сашка мяге. Перевозит про себя много. Мычаёт.

— Ты прав, спрашивает: «За большую работу в комсомоле награжден тем-то!» А разве так можно, товарищ дорогой! Враз же парня исключит. Продолжение рабочего назначения — исключит. Голова молодая. Закружится...

— Ну, если слабая голова, — улыбаюсь я.

— Пшик как есть. А то же это же! «Челябинский трубник» зачитываю, а там прямо пишут: «Твой современник Александр Русаков — лучший молодой рабочий в своей профессии! За большую работу в комсомоле награжден тем-то!» А разве так можно, товарищ дорогой! Враз же парня исключит. Продолжение рабочего назначения — исключит. Голова молодая. Закружится...

— Ну, если слабая голова, — улыбаюсь я.

— Пшик как есть. А то же это же! «Челябинский трубник» зачитываю, а там прямо пишут: «Твой современник Александр Русаков — лучший молодой рабочий в своей профессии! За большую работу в комсомоле награжден тем-то!» А разве так можно, товарищ дорогой! Враз же парня исключит. Продолжение рабочего назначения — исключит. Голова молодая. Закружится...

— Ну, если слабая голова, — улыбаюсь я.

— Пшик как есть. А то же это же! «Челябинский трубник» зачитываю, а там прямо пишут: «Твой современник Александр Русаков — лучший молодой рабочий в своей профессии! За большую работу в комсомоле награжден тем-то!» А разве так можно, товарищ дорогой! Враз же парня исключит. Продолжение рабочего назначения — исключит. Голова молодая. Закружится...

— Ну, если слабая голова, — улыбаюсь я.

— Пшик как есть. А то же это же! «Челябинский трубник» зачитываю, а там прямо пишут: «Твой современник Александр Русаков — лучший молодой рабочий в своей профессии! За большую работу в комсомоле награжден тем-то!» А разве так можно, товарищ дорогой! Враз же парня исключит. Продолжение рабочего назначения — исключит. Голова молодая. Закружится...

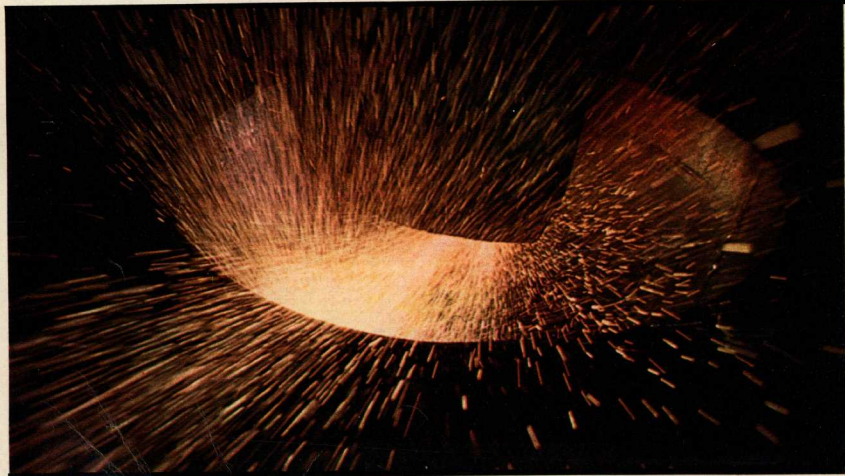
— Ну, если слабая голова, — улыбаюсь я.

— Пшик как есть. А то же это же! «Челябинский трубник» зачитываю, а там прямо пишут: «Твой современник Александр Русаков — лучший молодой рабочий в своей профессии! За большую работу в комсомоле награжден тем-то!» А разве так можно, товарищ дорогой! Враз же парня исключит. Продолжение рабочего назначения — исключит. Голова молодая. Закружится...

Рабочая трибуна «Смены»

ТОТ ПРЕКРАСНЫЙ

лучаино встретил управляющего строительным трестом Комартева. Сорос этого треста был генпродиректором на реконструкции нашего второго цеха, и в свое время мне доводилось ругаться со строителями призывами. Поэтому и с Комартевым отношения у нас сложились не самые дружеские. А тут он ядром задул меня и и, чувствуя, действительно обрадовался.

— Зная, Женя, уже готовится проект реконструкции первого цеха. Хорошо бы и там сделать так, как во втором!

И опять ругаться будем, Владимир Александрович!

— Для пользы дела иногда и подражать стоит.

Евгений ФЕДУКИН,
мастер,
бывший начальник
комсомольского штаба
по реконструкции
цеха № 2

— Ну, нам-то не привыкать!

И точно, нашему штабу из одолжков приходится вылезаться в борьбу, потому что борьба была трудной, борьба со сроками, неуважкам, недостаткам в снабжении, планировании, а порой и с привидимым господством.

Мне и сейчас кажется, что в начальники штаба я попал случайно. По крайней мере совершенно неожиданно для себя.

Вызвал меня как раз на заседание заводского комитета комсомола. Вынырнул вышкаю не чувствуя, но на всякий случай тыды за собой повел. Комитет комсомола у нас строгий был, даже начальники цехов заставляла отчитываться. В общении, готовился я к любому разговору, кроме этого.

— О будущей реконструкции цеха знаете? — спрашивает тогдашний секретарь комитета комсомола Борис Куянов.

А как не знать, если я там слесарем работал и в цехе только и разговоров, что о будущей реконструкции!

— Решения мы создали комсомольский штаб. А возглавляете его поручаем тебе.

Познательное дело, попытаться я откажется. Дело для меня, мое, новое, незнакомое. И правда, я даже не представлял повзвучаю, что должен делать штаб. Но мое отговорки комитет не принял.

— Такого опыта ни у кого из нас нет... сказал Борис. — Будем вместе учиться.

Через несколько дней реконструкцию второго цеха Челябинского трубопрокатного завода объявили областной ударной комсомольской стройкой. У меня и в самом деле появился штаб — один из вагончиков, которыми строители окружили цех. На двери вагона я приколотил ядичку для писем и к нему укладывался, в тот же день обнаружил в нем записку: бетонщики жаловались на отсутствие рукавиц. Потом, когда штаб набрал силу, корреспонденция поступала к нам много. Иногда писем в штаб были написаны на клочках газеты и даже на панцирных коробках.

Кроме генпродиректора, на стройке работало еще

одинадцать организаций, субпродирекции: монтажники, электрики, сантехники, з/электрики, связисты... У них накопилось множество претензий друг к другу, претензий обоснованных и не обоснованных. И в итоге, что же делать возникла претензия к генпродиректору, Обиды, жалобы, споры... А на стройке все взаимосвязано, что-то отстало, нарушил сроки, и рвется эта связь, зато одна на другую нагромождается проблематика. Мы должны были вчасе помогать строителям, в том числе и в организации работ.

Однажды я сидел в приемной главной инженерной службы Горстройкомитета Шеркунов и увидел несколько экземпляров сетевого графика реконструкции цеха. А сколько раз я просил строителей цеха бы показать мне этот график, и все безуспешно. Они смаялись на его недоработанность, источник, хотя, насколько я знаю, он уже был утверждён. Признаюсь сейчас, что, увидев график, я его просто-напросто «увел» и, не ожидая, когда закончится совещание у главного, пошелся на заводе.

Исходя из сроков, намеченных графиком, мы выслупали «моания» и сообщения «комсомольского проектора», требовали от различных организаций спонсорства в поставках оборудования, от дальнейшего монтажа. На каждом объекте появились свои «календари» со сроками окончания работы. Ударили они в первую очередь по... авторам сетевого графика.

Но этого мы не раз замечали, что на строительных площадках часто не хватает рабочих, простоявают дорогостоящие механизмы, но пробыры и назначения участка, как правило, смаялись на какие-то сверхсроки работы в других местах: а здесь «еще не вестер», услужливо. Однужды наши простоявшие проверили выход строителей на работу. По табелям» их значилось около 140 человек, а на площадке оказалось в три раза меньше. Мы обратились к профсоюзной организации заводского объекта и в других местах Челябинска, и они порой «подгоняли» их за счет нашего цеха. О результатах проверки мы доложили руководству завода...

После нашей докладной положение на стройке сразу же ухудшилось, и было заметно по наступившему ожоганию, а мы стали еще тщательнее контролировать сроки окончания тех или иных работ.

Через несколько дней после того складыва с проверки пришел к нам в штаб Шеркунов и начал распришивать, откуда у нас появились данные о сроках и почему мы помешаем их для всеобщего обозрения в своем «календаре». Пришлось мне сомяться, каким образом залючили мы график, а потом мы сообщая, всем штабом привялсь доказывать Георгию Семеновичу, что данные эти необходимы нам не меньше, чем строителям, в конце концов мы делаем одно и то же дело... Позднее трест стал регулярно присылать в штаб все данные, связанные с реконструкцией цеха. Но давать нам их сложно, думаю, не потому, что мы строители, а потому, что заводские начальники. Для стройки нам понадобился цемент особой марки. На заводе железобетонных изделий его не оказалось, в тресте тоже не смогли достать, и тогда мы обратились к районному исполкому. Уже на другой день строители нахвастывали упущенное, а рядом с профессиональными бетонщиками работали наши заводские ребята, вышедшие на суботники.

По решению заводского комитета каждый комсомолец должен был отработать на стройке не менее десяти часов. А молодые рабочие нашего цеха, механического и заводоуправления отработали в среднем по тридцать часов. В связи с тем, что реконструкция цеха являлась ударной комсомольской стройкой, к нам на помощь приехали студенты челябинских институтов, рабочие близлежащих заводов и даже школьники. Естественно, мы старались использовать рационально, используя эту огромную силу, нашим добровольным помощникам мы не давали заданий на «подчистку и расчистку», а посылали их, как правило, на провар, в погрузочные работы, на монтажники, отводчики. Как-то в субботнюю ночь толпаю подожгли к цеху два вагона, загруженных специальными кирпичом. Разгрузить их должен был «Союзтеплострой», работники которого возводили дымовую трубу. Но из-за отсутствия специалистов пришлось отпрыгать специалистов от основной работы для разгрузки кирпича неважно тогда и никогда. А в нашей ситуации тем более. Только вакуане приехали в штаб объект, чинам «Союзтеплострой» с просьбой как можно скорее закончить сооружение колючей пещи, потому что мы не

хотели отвакать каминчиков. Но и вагоны троебовые разгрузить срочно, потому что их простоять — это сотни рублей штрафов, а главное, они мешали нам перевозить материалы на площадку, а также, действующего цеха.

Среди ночи, словно по тревоге, мы подняли комсомолов в заводском общежитии, но, как оказалось потом, пришел к нам на помощь не только комсомолец, но и рабочий, который сумел уложить аккуртными штабелями у стен цеха.

А кемания из «Союзтеплострой» на десять дней раньше срока саган в строй колючую пещ. Их работу выполнял один сотрудник комсомола, которую входили представители завода, треста и министерства. И когда комиссия подписала акт о приеме пещи с оценкой «отлично», представитель «Союзтеплострой» сыпнул: «Этот заводские каминчики помогли нам спастись у времени некую декаду».

А мы во всем старались опередить сроки, экономия минуты, час, дни. С самого начала реконструкции штаб организовывал соревнования среди строителей. Вначале мы создали несколько комсомольско-молодежных бригад. Такие коллективы появились у бетонщиков, штукатуров, электриков, монтажников...

Работа у них, естественно, разная, и выявить победителя не так-то просто. Поэтому штаб разработала особые условия соревнования между комсомольско-молодежными коллективами. Каждая бригада получала задание по завершению своей строительства, соблюдение трудовой и технологической дисциплины, учебу, овладение смежными профессиями, рационализаторскую работу и так далее. Итого получалось ежедневные и периодические вымыты почти каждый день между своих «хозяй». А раз в месяц бригады, дошли всех державшая наш вымыты, награждались денежной премией и почетными грамотами.

На своем очередном заседании штаб подводил итоги работы за очередной месяц года, в вагончик залеза Шеркунов. Он уставо опустился на стул, давал слушать, как мы спорили, мучились со своей работой, как выдерживали, как не выдержали: «Плохие новости, товарищи. Нижний Тагил дает металлоконструкции только в ноябре, а это значит, что все сроки проваляються. На нас выданы работы».

Мы бросались к телефону. Оказалось, что инж-негальеры смогут отгнать нам конструкции даже не в ноябре, а в декабре. На ноябрь они лишь заказ принимают. По графику же, давно ставшему нашим врагом, нам надо было успеть работать на месте уже в октябре. Ни звонки, ни словесные письма не помогали — у каждого завода свои планы. И тогда мы обратились непосредственно к комсомолов из Нижнетагильского завода, разговаривая им о нашем цехе и о будущей реконструкции цеха. И молодые рабочие из Нижнего Тагила приняли наш комсомольский заказ и выполняли его в срок.

Примерно такое же положение возило при сооружении отдаленной части цеха. Строители терпели драгоценное время из-за отсутствия железобетонных плит. И тут нам снова пришлось на помощь комсомолов, на этот раз молодые рабочие завода.

Изначно потеряли нам нервы харьковские электротехники. Они должны были изготовить и вперые в трубой промышленности установить у нас блочные системы регулирования и управления сталей. Ясно было с этого, что безотказным оборудованием пришел и давно уже можаля в цехе, и нет монтажа и налаживания никак не могли выехать из Харькова. Переписка с ними составляла довольно пухлый труд, но положение не менялось, да быстрого изменения и не требовалось. Тогда штаб обратился за помощью к министру электротехнической промышленности товарищу Антонову...

Наверное, я мог бы привести десятки и даже сотни подобных примеров, когда комсомолов штаб помогал строителям обдестить время и пригнать день пуща, по сути дела, нового цеха. Но, потому что площадь его выросла вторю, последние «бонбаны» и не обрещались, тогда штаб изменился услож работы трубопрокатного.

И успех оставался. Естественно, в торжественной обстановке. И на десять дней раньше намеченного срока я по объекту уезжал, экономия была декады на вагончике, когда комсомолов штаб помогал строителям обдестить время и пригнать день пуща, по сути дела, нового цеха. Но, потому что площадь его выросла вторю, последние «бонбаны» и не обрещались, тогда штаб изменился услож работы трубопрокатного.

И я стал мастером в цехе, который, смею думать, сам и строил этот цех. И в заключение хочу еще всегда запомню и тот прекрасный год реконструкции.

УЗОРЫ УЗОРНОГО УЗОРА

Поэту Константину Сворцову 34 года. Он член Союза писателей СССР, автор трех книг и четырех стихотворных пьес, известный на Урале драматург, член редколлегии журнала «Уральский следопыт».

Прежде чем стать профессиональным писателем, К. Сворцов много лет проработал на Челябинском трубопрокатном заводе, сначала слесарем, а потом механиком участка. Руководил заводским литературным объединением.

Александр НИКОЛАЕВ

Весной 1970 года Костя неожиданно исчез из Челябинска. Я видел его незадолго перед этим, и он говорил, что собирается поработать. Год назад его приняли в Союз писателей по многим стихам, и у меня даже мысли не мелькнуло, что он намеревается сменить жанр. Он говорил, правда, что все написанное мало его удовлетворяет, но это можно было расценивать по-всякому.

Он уехал вместе с Танарой. С женой ему, кажется, повезло. Во всяком случае, если он скажет, что надо все бросить и поехать на край света, она начнет одевать дочерей — Майку и Ингу. А может быть, просто отвелет их к матери.

То лето и осень, проведенные Сворцовым в Медвежьих, Курганской области, были для него удачными по всем отношениям. Он вставал на рассвете и писал часов до десяти. Писал с удовольствием, упорно карабкался к вершине, которой в поэзии во все времена была драма.

«Ущелье Крылатых Коней» он переписывал три раза. Три варианта [по тридцать страниц], по сути дела, три разные драматические легенды, как он их назвал.

Из трех вариантов надо было решить выбрать один. Он его выбрал и отнес в ТЮЗ. Главным режиссером так работает Тониз Матарраде. Теперь он считается первооткрывателем нового драматического дарования.

Но, прежде чем это случится, прошел год. Пьесы поставили в марте 1973 года.

Постановка имела успех и собрала хорошие отзывы.

«Полония в основу своего «Ущелья...» исторический документальный материал о мастере украшения оружия Иване Бушуеве,

жившем на Урале в первой трети прошлого столетия, драматург сумел выковать в него подлинно современное содержание и создал возвышенно-поэтическое произведение. И, сидя в скромном зрительном зале Челябинского ТЮЗа, забывала чуду магически колоссального театральное действия, я вновь, как и при первом чтении «Ущелья...», поддавалась обаянию красочного, афористичного, жесткого и одновременно глубокого драматизма, богатого сравнениями языка драмы...» — писала в «Литературной России» Оксана Шенко.

— Бушуев, конечно, ничего... — говорил Костя при встречах. — Но вот погоди, скоро я тебе прочту кое-что — упадешь...

В течение 1972 и половиной 1973 года он пишет еще три драмы: «Легенду о белом дереве», «Отчество мы не меняем» и «Алену Арзамасскую». Впечатление было такое, что он слеза утонул. Костя буквально бредил образами и стилями. Он говорил мне, что ночам ему снится, как все племя чудн белоглазых закапывает себя в землю. Он писал тогда «Легенду о белом дереве».

Сворцов работал, что называется, до упаду. Бывают такие взрывы у художника. Работал, не глядя на неудачи. А они не отпускали его при всем при том.

ТЮЗ показал «Ущелья...» несколько раз, а потом из театра ушел актер, игравший главного героя, и спектакль возобновился только в следующем сезоне. Сыграли два или три раза, и снова та же история...

«Отчество мы не меняем», пьеса о великом русском металлурге П. Аносове, премьеры которой с успехом прошла в Златоусте, постигла такая же участь.

Могут сказать: что же у вас — актерское везе!

Представьте! В провинции не так-то просто подобрать актера на главную роль, а если учесть к тому же, что драмы Сворцова только в следующем сезоне, то положение и впрямь злеть плачь.

Прошлой осенью, перед тем как уехать учиться в Москву на Высшие литературные курсы, Сворцов отдал в Челябинский драматический театр «Алену Арзамасскую». Сейчас здесь идет репетиция...

«Узора вечного миду я тайну...» — говорит Иван Бушуев. Идет он и драматург Константин Сворцов, мой друг и талантливый, хороший человек.

Я люблю его пьесы не только за их чисто художественные качества, но и за то, что, читая в репликах героев, монологах и примыкаемых им решениях узнаю мысли, мечты и отношение к жизни Кости Сворцова, моего современника, живущего от меня через улицу. Узнаю его любовь к России, природе, к быбл, повет сказкой, как сказал один наш доморощенный мудрец.

От вена горы таинства хранят. Базальтоустают пещеры и ущелья. Глазным звезд с вершины нам глядят Холодных снах загадочные лица. О чужести ни говорит ни слова. Олхнх дрожащей хрупкой вершина И жарче под наводно пушковой. Свержающей на солнце, как булат. Я нахону узору для минново В учных вытхх митого Таганая. Когда весна прихидат, погоняя Своих коней по белым тропкам ре...

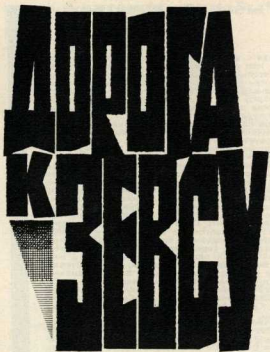
Силу для своего творчества черпает в родной уральской природе не

СЦЕНА ИЗ СПЕКТАКЛЯ «УЩЕЛЬЕ КРЫЛАТЫХ КОНЕЙ» В ЧЕЛЯБИНСКОМ ТЮЗе. ИВАН БУШУЕВ — И. МАШТАКОВ, КСЕНИЯ — М. ПЕРМЯКОВА.

СПЕКТАКЛЬ «ПАВЕЛ АНОСОВ» В МАГНИТОГОРСКОМ ТЕАТРЕ ИМЕНИ А. С. ПУШКИНА. АНОСОВ — Н. ЧИГЛОВ, АННА — В. САМСОНОВА.

Алексей АЗАРОВ

ПОВЕСТЬ

Два есть аргументы?

— Сколько угодно! В Париже, когда вы помогли мне в Булонский лес и от имени Эрика вызвали на конспиративную квартиру СД, я растерялся и видел немало глупостей. Труп штурмбандионера, его запертые, ваши звонки и напор — все работало на вас. Я вытаскал вас из квартиры, помог стать невидимкой для охраны и в своей машине отвез на Монмартр. Все так. Больше того, я подписал некую бумагу. Да, да, Стивенс! У страха глаза велики, а я, как вы ивовокали заметить, не хотел расставаться с жизнью... А потом я стал думать... Два дня узнаю, чтобы все вернулось на круги свои. Фогель угодил на фронт. Гаук — в штрафную команду, а Болц последовала за Эриком.

— Она любила вас.

— Всякой самке нужен самец, и я был ее самцом.

— Bravo!

— То ли вы скажете, услышав остальное! Так вот, я привел дела в порядок, урегулировал еще кое-что и спокойно — заметьте, спокойно — уехал в Берлин. Вы полагали, я бежал, спасая от вас и антика бумаги с моим автографом, но это не так. Шелленберг выдала меня за ловава назначенцем, и я с радостью принял его.

Сigaretа, доторев, обжигает мне пальцы. Я растрачу огонек о подошву и, не найдя пепельницы, прячу окурок в карман... Золото и белизма. Кто это так шепнул тебе, Одиссей, про башню из слоновьей кости?

— Поздравляю, — говорю я.

— Вы не Шелленберг, и вам не с чем меня поздравлять... Лучше будет, если вы проявите терпение, подобное моему, и постараетесь слушать, не перебивая... Итак, я принял назначение, хотя в Париже колебался: не пустить ли яду в лоб, спасая от гестапо? Я, как и вы, считал, что выложусь у вас в руках, и все прикидывала, что происходит, если майор Стивенс потребует от меня действий, а служба безопасности, со своей стороны, поймав на каком-нибудь промахе, начнет охоту. А потом...

— Привык к ливым вынодам?

— Очень точная мысль. Я подумал: а, собственно, чего я боюсь? Подписка? Аффилиент¹ Эрика? Пустое, Одиссей! Ключки бумаги, лишённые объективной ценности. В вашем управлении спецслужбы составляют сотни документов за мой подписью и моим почерком. Шелленберг не станет топтать меня на основе таких улик.

— Не убежден!

— Ну, конечно же: вы ведь, помните, вначале перечисляли — с самым грозным видом — четыре фамилии. Четыре свидетельства, добывавшие меня. Эрик, Фогель, Гаук, Болц. Боюсь только, вы напрасно обольщаетесь. Предположим, вы назовете их следователям и потребуете поднять материалы, связанные с фигурантами. Что же обнаружится? Эрик мертв, и нет ни следовки в архивах, относящихся к Парижу. С Болц и Фогелем — то же самое. Остается Гаук, которого, разумеется, найдут и допросят. Что же покажет он? Не больше того, что знает: Эрик приказал ему применить к Стивенсу третья степень, и он применил. Эрик приказал ухаживать за Стивенсом, и он ухаживал; Эрик приказал поставить Стивенса на ноги, и он, как мог, поставил. Всюду одно — Эрик и приказал... Что же останется у вас? Фальшивки, используемые для шантажа? Бог свидетель, Шелленберг не раз пускал в ход такие же, чтобы заручиться благосклонностью нужных лиц. Шаблонная работа, не выходящая за рамки ремесла. Что вас не устраивает в моем рассказе?

— Два вопроса, — говорю я медленно. — В Париже, если верить вам, вы — «спокойны». И там же, получив назначение, рассуждаете: «А не пустить ли яду в лоб?». Не выжидаете как-то... Признаю: вы сильный человек, Барбург. Для меня это не ново, и я знаю, что капитуляции не последует. Но разве за ней я шел? Давайте коротко: вы будете сотрудничать с нами или нет?

— С СИС?

— С союзным командованием, если говорить расширительно. В Париже вы хотели заставить

страховым полисом на случай поражения Германией. Я принес вам его в кармане и проглатываю — берете.

Барбург впервые за весь разговор делает шаг от окна. Становится напротив меня и устал потягивается.

— Вы ничего не понади. Одиссей. Париж — это Париж, Берлин — Берлин. Здесь вы мне не нужны. Слишком не равен риск — проблематичное наказание после финиша или верная смерть от рук гестапо... Только не надо говорить, что вы сейчас уйдете. Дав мне сутки на раздумье. Или вы шедры и дадите трие суток?

— Сколько вам нужно?

— Ни мгновения. Сожалеею, Одиссей, но вы сами поехали сюда. Я не знал вас.

— Итак, вы не выпустите меня?

— Само собой, вас физически уничтожат. Устранят. Я правильно выразился?

— Ваш английский превосходен... Вы и моих людей устроите? Всех разом? Простите, не знал, что фюр Барбург то же самое, что Людвиг.

Барбург, словно наткнувшись на стену, откачивается назад на каблуках. Я встаю и, в свою очередь, подхожу к нему. Запах крепкого одеколона окутывает меня и заставляет поморщиться.

— Полночь, Барбург, — говорю я. — Не делайте вид, что вы изумлены. Говоря о своих людях, я не сообщил вам ничего нового. Умоляю, солгите мне, что вы заматывали о них до того момента, пока ваш покорный слуга не напомнил. Не так?

В этом разговоре, запутанном, как лабиринт, лишь один из нас догадывается, где выход. Тот, у

¹ Аффилиент — покаяние, данное под присягой, здесь — свидетельство.

кого длинные шляги и толще света, еще не гарантируют, что доберется до света. Другое дело, если в кармашке у тебя лежит план ходов и переходов с красной линией, означающей критичную путь...

— Один вопрос, Одиссей. Ваш Центр знает, что вы встречались со мной?

— Галумест.

— Что было в ответной радиограмме?

— Нужен точный текст?

— Согласен на приблизительный.

— По смыслу: действительный сообразно с обстановкой.

— Благодарю. Не смею спрашивать, когда вы получите ответ. Не задаю неуместных вопросов и по поводу частот, шифра и прочих тонкостей. Вы знаете, почему я вас благодарю?

— Так почему же? — говорю я, пытаюсь сообразить, какую ловушку приготовил Варбург.

— В некотором роде, Одиссей, мы вернемся к теме инвасов. Вы же мастер их помечать... Сажайте, вас не учили в нежном возрасте, что ложка порок и должен быть наказан? Помните: в Берлине и его окрестностях вот уже полтора месяца как не зарегистрировано ни одной рафин. Ни одной! Не думаю, чтобы это объяснялось любовью радистов, на пеленаторских установках у нас и в армейских органах сидят выдающиеся мастера. У вас есть рафин? Откуда? С собой, вы ее не привнесли, разве что в кармашке? Или нет? Или вы рассчитывали найти ее здесь, а оказалось, что расчет построен на песке? Поищите, Одиссей! Мои заботы о своем благополучии неотступны и круглосуточные. Я, как вы правильно заметили, обожаю свою благодарную шкуру. Поэтому я и ждал вас. Или вашего человека. Шеллеингер разрешил мне заключиться со сводками радиоперехвата, и я не пропустил ни одной, ибо это тоже входило в круг моих забот о себе... Но, может быть, вы соглядатай! Может быть, вы, имея рафию, пошли ко мне, не известив Центра?

— Вы сами все сказали.

— Ход, недостойный вас, Одиссей! Ни один уважающий себя работник разведки не выйдет на связь с агентом, не получив благословения Центра. Что же получается?

Варбург расстывает кальян мундара и достает плавский подстакан. Аккуратно вставляет сигарету в мундштук. Плава вулька ему, а не мне. Он создаст ее намеренно, но отнюдь не с целью насладиться.

Рисунок Геннадия НОВОЖИЛОВА

даться торжеством — глаза его, опухающие мое лицо, мигнут и жаут.

— Бред! — говорю я быстро и шакаю зажатой рукой. — Прикручивайте и давайте закончим! Так что же, по-вашему, получается?

— Пустячок, но приятный. У вас нет связи, Одиссей. Оцениваю, проникая в рефлекс, вы намерены получить передатчик на месте. Однако что-то у вас не сработало. Или явки были горячие и вы не пошли на них, или встреча не состоялась по иным причинам, но так или иначе вы не имеете рафин. Отсюда следует повелительный для Станислава вывод: вы не только без связи, но и оди. Совершенно оди, как перст.

Я вожусь с зажатой рукой, чем надо. Стена мне есть стена. Я умею считаться с фактами и, проморгившись, к высоте стены, понимаю, что мне ее не одолеть.

— Домысли! — только и говорю я и прищу зажатую.

Варбург качает головой.

— Нет. Хотите проверить? Я позвоню в Берлин и спрошусь, нет ли чего нового в сегодняшней вечерней сводке. Хотите?

— Надежды? А зачем мне она? Лишняя отяжка перед концом.

— Не стоит, — говорю я.

Варбург разводит руками, словно поводил итог. Подходит к столу и выдвигает ящик, достает изручничка. Не протестуя, я вижу ему задевающий браслет у себя на запястье.

— Рука!

Болыдин не заставляет звать себя дважды. Дверь за мной спиной мило хлопает, закрываясь, и сильные руки быстро обвивают карманы Одиссея.

— Оружие нет.

— Вот и отлично, — говорит Варбург. — Вы благодарны, Одиссей. Пожалуйста, постарайтесь не кричать на улице: мне будет неприятно, если Руая сломает вам челюсть. Приготовь машину, Руая.

Улыбка, которую я выдаиваю, выходит не бог знает какой ироничной, но это все-таки лучше, чем скорбь на челе.

— Столько хлопот из-за маленьких разгоснагов! Остропа надо стать улыбки, но у меня нет другой в запасе. Руая выходит, я и присыдаю, как далеко будет маршрут. На культу-нибула ямау в Тюрингии или Хайнлейте, используемому Управлению-61 для деликатных делешек? Или Руая пристрелит Одиссея в дороге, не утруждая себя и Варбурга долгим путешествием? Один выстрел в затылочную ямку, камень к ногам, и — гуль — Одиссей закончит свои скитания по пути в родную Итаку.

2 + 2 = 4. Элементарная арифметика. И самый юный из школьников, считающий на пальцах, и профессор, оперирующий абстракциями высшей математики, не воюны поколебать аксиому. Правда, кто-то толковал мне, что если применить теорию иррациональных чисел, то можно вроде бы

прийти к парадоксу $2 + 2 = 5$. Непонятно! Пусть так. Но в жизни nevertheless происходит чаще, чем принято думать, и мало-помалу тоже становится очевидным.

Я сажусь поближе на банкетку и застаю себя отвлечься. Вспоминаю осень и девушку, которой называю свидание на площадке под часами... Я, как всегда, рассказываю о ней, о неслыханном счастье девушки с добрыми глазами. Она, наконец, пришла без озадачения и все верничкала, поглядывая на стрелки... Знаете, человек всегда вернется, когда время отказывается быть его союзником.

9

— Итак, о той девушке. Емля она вопреки обиде и времени все-таки не выслала из памяти список случайного знакомого, то искренней мой совет — сделать это как можно скорее. Почему-то мне кажется, что обстоятельство помешало Одиссею вернуться в Итаку и упрочить нашу дружбу. А много ли проку, скажите, хранить воспоминания о человеке, вероломно нарушившем обещание и обманувшем на разлаву под часами знак на пяти лет с хвостиком? Даже и думать подумать, что стало бы с той девушкой, прояви она свойственное женскому полу долготерпение и продолжила стоять в условленном месте? Жары, мороз, дожди, туманы, востры ветер, бури, ураганы! Неужели вы, уважаемый дядя мой, и вырван неверного кавалера, выкинет его из памяти, одарив насладом презрения?

Мы пускаться вник, к машине, и, проходя по лестнице, я почему-то замечаю детали, отброшенные раньше, как мусор. Руая для песка на площадке; настенный щит с кашеями и асбестовым флуорком; паклястик канделяска крейсерайсера; железными словами призывающий юнкерских немцев укреплять свой дух и консолидироваться вокруг фюрера и НСДАУ.

Варбург в свободном пальто поверх формы идет вперед и достает мешок под руку. Ковалевка пальто и желтые перчатки из толстой ножевой кожи делают его неотразимым. Легко вообразить его гуляющим на баше или в оперу, но, конечно, представляя себе, что он в форме фюрера фон Гибурга или Троттен-Пралмы с дымчатым пистолетом над трупом Одиссея тоже не составляет ни малейшей сложности. Нескольким минут назад я предложил ему не утруждать себя и покинуть с делом, не покаясь в разгоснаге, на что получил ответ, что всему свой срок.

— Мы еще побеседуем, — сказала Варбург. — На всякий случай я хотел бы получить адрес, по которому мог найти вашего друга. Знаете, никогда не представляется, как все повернется завтра.

Левая рука у меня ныла, и мне было не до юмора.

— А куда вы е... — сказала я, с предельной подробностью уточнив адрес. — Перенос не требуется?

Свой диалектический императив я произнес по-французски, поскольку ни в английском, ни в немецком не обнаружил выражений, соответствующих случаю. Варбург сделал вид, что пропустил его мимо ушей, и спросил Руая, все ли готово.

— Бензина не очень много, — сказала Руая. — У меня больше нет таланов, может быть, вы позволите мне в Галле?

Варбург движением бровей заткнул ему рот, а я отякал его, заверив, что адреса уйдут в небытие вместе со мной.

— Вы еще не оценили Руая, Одиссей, — сказала Варбург. — Руая — это Фогель в квадрате. Мой собственный Дотель!

— А как с подвалом?

— Надежды и подвала!

— С ключами, надежды? — сказала я мечтательно.

— В Булском адеусе был ключик. Раньше на нем подвешивали окорона, но ваши коллеги — большие экспериментаторы и сообразили, что человек тоже может висеть на виле.

В общем, я вел себя, как и положено в моем положении — ругался, гапу шутил, позволяя Варбургу выводить заключения отгисственно душевного состояния Одиссея. Будь мы знакомы, будь мы ветлемеся, я не стал бы делать этого, но и мне, в свою очередь, было важно понять, насколько бридгендорфер тверд в своем решении...

...На улице морозно и безлюдно, несколько машин с замкнутыми светом, похожими издали на сугробы, белеют возле магистрата. Желтоватый клуб пара, выкатывающийся садом за нами из подъезда, растворяется в разведенной саже, окрашивающей воздух, дома и брызгающую площадку. Знакомые черты на ратуне, со всеми своими двадцатью тремя циферблатами, кажутся зеленоватым пятном, вытесненным вверх в виде арки. Четыре силовых фонаря по углам площадки и затуманенные мастерскими шторами из эррац-бунаки окна напоминают

о приближении часа, отвечают немцам, как «застаивать».

Перед тем как бестес в машину, я задрал голову и смотрю на небо; вместе облака висят низко, упавшая в городской мрак и лепящаяся за спиной радуга. Равнина вдали сливается с заторможенными овнами. Мерцают и сверкают, напоминая социализма и ренегаты из бывших эсэсов, сплывающие из гитлеровского и юнкерского, просто немца, слышны и зрелища, запуганные Гитлером или одуревшие им дурачки. Тут, привирая к себе, с изумлением и дисциплинированно делаясь, что поручено, и еще немцы — жадные, уповая на чудо, — тысячи и тысячи тех, напрочь замерших в предугибе курьезной и ужасной, мимолетными мимиками, ладьями, ладьями, ладьями, ладьями, ладьями, импульсы, раздробленные беснующим и страхом мыслям... Прилетит ли повезет? Жизнь или смерть? Как пожелает их, поучивших равной долей то, что готовили они сами? Как раздаться на «христиане» и «христианство» этого «застава», а тем — возмездие и кара... Я смотрю на облака и думаю, что сегодня налететь не будет. Город уснет, и дети уснут — маленькие люди, не несущие в себе себя и не доходящие до тех, как мы. Кто-то даже и страшно не комкает. И нет во мне сентиментальности. Однако ради детей я признаю — мысленно, конечно, облакам спустится, а ночи стать черной — пусть он заснет, Берибург, и дождь до утра.

— Смеялся, Одиссей — немкомко говорит Варбург и подталкивает меня к открытой двери автомобиля. — Теперь уже делодо.

— Как звить, — отвечаю я.

Нарушии мочалку и кисть левой руки, лишний палец, распущено от боли. Я бросаю последний взгляд на пейзаж, на машины, горящиеся под снегом воле ратуши, и прогоняю их в дверь заднего отсека. Варбург садится рядом, поднимает стекла, откладывает сигарету от пассажира. Нагибаюсь к переговорной трубе.

— Можно ехать Руди.

— В Гале — спрашиваю я.

— Вын Руди — шлово конхитатор.

— У него другие достоинства. Уверен, скоро вы оцените его и согласитесь со мной. Фелер и Гаук работали как зигуванцы. Для них вопрос не стоил, как для меня. Как вам сейчас, Руди? Моё фактум; он будет зашпидить мою и свое ভালোপুত্রো, а это, согласитесь, отличней стимул.

Машина покачивается, выворачивает в переулок и, набрав скорость, рассекает ночь. Когда мы будем в Гале? Чего вы ждёте, Руди? Почему не ехать. А в Берлине? Мне необходимо попасть туда самое позднее 17-го днем. Уезжая, я оставил на столе фрейлен Аины документальную записку фон Арвайда с просьбой об отпуске в Гале. Если же не удастся, упрямая женщина в КРИПО... Впрочем, какая разница? Мертвою Одиссею все будет безразлично, а жалеть о нем вроде бы некому, разве что Матде? «Руди» — лично думаю я, вытаскивая ноги. — Жас, они не прикрывают меня. Для этого надо оставаться, выжить, открыть двери... В Гале? Нет, город для этого не подходит. Просто всего, свернет с дороги, и тогда...

— Не игнорируйте, Одиссей — говорит Варбург. Вы же не можете себе позволить поговорить, и я не вижу причин, по которым надо бы молчать.

— Адрес? — достаиваюсь я.

— Это было бы неплохо.

— Еще бы! Однако перелета хороша, когда доверителю товарищ. Что вы предлагаете изменить? Просто смерть. Без кричания в подвалы. Соглашались, это стоидя вещь.

— Вы сами или Руди? А сможете, слышу от Варбурга, воздержаться от смеха, выходящего из дыхания у себя на щек; лицо бригадефрейенфера смутно блещет в нескольких сантиметрах от моего, что уверте, и все-таки выискодав — да, да, выискодав! — жаждает, чтобы я утихоми себя. Вернувшись перед вами душу — А, пельвэй!.. Да, Руди, именно они! Я боюсь кричать! Вы это хотели услышать? Вам бы не было покоя на том свете, не убавды вы, что я сабб!.. Извольте, вы узнали и... Ах, давай!

— Конечно, — говорю я серьезно. — По нескольким причинам. Первая я хотел выяснить, кто пристрелял Микки — Алкомути Боальд Микки — это я так ее прозвал, прежде чем познакомиться с ней, когда мы и с вами — способны на убийство. Кавос, не удача. В Вас меньше индивидуальности, чем положено СС-бригадефрейенфери. Микки здорово ошибалась. Она видела вас всерьезным и личным предоступлением Варбурга становится частым. Я осекуюсь и делаю себе выговор, будет гулять, есл Варбург, повинуясь рефлекторному гневу, продолжает боязнь крови и прихлещет Одиссея в придорожном судоро. Сейчас достаточно темно, и кровь не будет видна.

— Ну, — говорит Варбург. — Продолжайте! — Ну, — говорит Варбург! Послушайте, Варбург! Снимите с меня куртку. Это же несерьезно — браслеты, когда силы заведомо не равны. Уверю, я не стану прыгать на ходу или бросаться на вас. — Хотите, Чего вы добавляете? Одиссей? Хотите, чтобы я сорвался с тормозов и дарюва вам скорый конец?

Голос Варбурга звучит почти ровным. Нескольким движением, и ставь со щелчком вращающегося колеса, Варбург отодвигается и закуривает. Огонь зажигалки отражается в стекле. Кто-то посторонний, сидящий во мне, ворчит, проваливая недовольство. Уже хотите ли поговорить? Я максимум дождь, а Варбург во всем размытывает невесту, кого, на то он и «зас», но ты-то рационалист, чего ради тынешся за ним — словески, шутками, браво... —

Неспаяя пелочка голубая пятна возникает вконец — предоступление пригородов Гале. Все кажется неподходящим, и палецы уже не болят, не мешают думать и говорить.

— Что ж вы замолчали, Одиссей — говорит Варбург. — Пожочный с первой пригородной по не выходящий восток. Я максимум дождь! —

— Тем, что наверняка знаю: вы не сорветесь с тормозов. По правде сказать, это меня беспокоило.

— Теперь — нет?

— Теперь — говорю я в тон и, поубавившись, отворачиваюсь до заднего стекла. — За нами идет машина.

— Выходит, все-таки боитесь?

— Я не в том. Это машина гестапо, Варбург. Я не вижу.

Целью как потребовалось мне, чтобы удостовериться в этом. Когда мы выехали из палеца и один из ступронов в ратуши зашевелился, пыхнула автомобильным дымком, я мог слышать это совпадением, присутствие Цоллера в Берибурге было фактом, но био ни по дороге с вокзала, ни позже я не засек «хлост...» Кто-то отъехал от ратуши, ну и что? Я не мог обернуться, а густым туманом парового дыма, гасла посторонние звуки и оставалось — слышать за стеклом в перегородке и ждать, не отразится ли в нем свет фар идущего сзади автоа. Желтые пятна возникли и исчезали, двадцатидвадцать раз. Я считал короткие вспышки — это были фары, и ухмылялся, и не выдерживая, всерьез выдерывался и разочаровывался. Иногда мне казалось, что это все кончилось: машина отстала или свернула, и Цоллер так и останется выходящим из послышки, но не фактом; но новая вспышка уверяла, будто Цоллер за «хлостом» — в том же направлении и на той же скорости.

— Право, Варбург, я не шучу, — повторяю я и достаю сигарету. — Дайте, пожалуйста, зажечь, я все вам объясню.

Желтый язычок, возникший на острие фильтра, выжигает на стекле желтоватую полосу. Болеет сланный свет — водилась задняя машина в двадцатый раз включает фары. Мы только что объезжали здорвеную выбоину, и теперь предоступатели повторяют наш маневр.

Я затягиваюсь и, опускаясь подальше, выискаю, как Варбург, правду — Цоллер и Берибург с ним сделало. Варбург слушает и молчит; черной профилей его слышно прилежен к выбегающему аулоному оку. Я смотрю на него и вспоминаю парк и единственную лавочку, пахнувшую померев булга, и вспоминаю моего вырезанного манюиномым ножничками слупаты — мой и одной моей знакомой. «Как у Репина!» — сказала старка, пряча в карман булгазы деньги. Искупил из темной булгазы, приподняв голову, как пахнула, и была выискодав, и вострою красным. Снаступило оболгораживае! — сказала старка.

— Идентичны — холодно, разделяя слова, говорит Варбург.

— Как вы относитесь к переговорной трубке и снимаете колдочку.

— Руди! В Гале повернем и поедим назад, — В Берлин, — уточняю я.

— Сначала нужна доказательство.

— Какое? — что требуете доказательство?

— Вын советник Цоллер, а не случайный попутчик, пристроившийся на в хвост. Впрочем, для вас лично это не меняет ничего. Так или иначе — концы с той личной разницей, что вы мерете не в полове и не один, а здесь и в компании с вами. Обидно было, но ничего не поделаешь. Да, чертовски обидно, Одиссей!

— Не понимаю, — говорю я.

— Чего же проше: не думаете ли вы, что граф фон Варбург, Лу Троттен-Палеца доставит советнику Цоллеру доказательства, которые выискодав? Да, тоже это не подходит. Поэтому мы сначала пристрелим вас, а уж потом...

— Возможны варианты? — борчому я.

— Что?

— Ну, например, вспоминаю одно объявление в старой престоной газете. Там было сказано: «Возможны варианты». Вам этого не понять.

«Хорька» уже знакомым путем выезжает за пределы пригородов, и теперь гулаво, выискодав, отражается в заднем стекле. Варбург поворачивается и, приставив на сиденье, принаикет к окну. Перчаткой счищает белые папоротники, вырванные морозом.

— Вы правы, Одиссей. Это хлост.

— Я редко ау, — скромно говорю я. — И только в силу необходимости.

— Скоро и это не поведается.

— Возможны варианты, — повторяю я. — Не видите?

— О! Кто вы утешаете? Себя! Или меня?

— Не вас, разумеется. Уверен, что граф фон Варбург, Лу Троттен-Палеца не провинит последнего. Выискодав, выискодав, выискодав. Пошлорозово зова на себя грязную работу. Только мне это не удаляется. Я, представляе себе, большу живявалю и не намерен ухладить, даже эффектно! Словно дурьява выискодав, выискодав, выискодав. Варбург опускается на сиденье и запахивает пальто. Минуту или две молчит, а я куюро и не торопю его... Сверхчеловек!.. Пустое. Негазулы субъект, хладнокровный и не лишней зарывной смысли. Пож... —

— Вы что-то говорите, Одиссей?

Голос Варбурга тускло, как отражение в стекле. Я докуриваю сигарету и сую ее в пепельницу на подлокотнике. Пальмо не несложно, и жалованье это занимает минимум времени — ровно столько, сколько надо Варбургу, чтобы понять самую суть.

— Ну, и! — говорю от и, в галосе его я уаваивно надежду.

— Больше ничего, — говорю я. — Вы отложите меня в сторону и, встретившись с Цоллером, а потом с вами. У вас есть телефон, записанный от подслушивания?

— Но вы уверены, что Цоллер?

— Он палеца не пошевельнет, пока я не подлокотник. Он споконхитесь: для дела, ради которого я здесь, вы нужнее дюжины Цоллеров. Считайте меня своим ангелом-хранителем и будьте внимательны, а еще лучше — источником хорошей информации. Договорились?

— Да, — говорит Варбург, подумав. — Да, Одиссей.

— Скажите Руди, чтобы отвез меня в Берлин. Если не возвращаете, я вздремну. Нет, нет, это не бравада! Прошу вас, скажите, что и уже не несколько ночей не выспалось, отчасти по вашей вине.

— Варбург выключает к трубе.

В Берлин, Руди. В Потсдаме не останавливайся.

Отражение фар в стекле вспыхивает и гаснет еще трижды; четвертой вспышки я не вижу. Солн, тяжелый и плотный, без словования, валится на меня; я борхастся в нем, заблываюсь, чтобы выискодав, как раз тогда, когда «хлост» въезжает в Берлин. Некоторые время мы колесим по незнакомым мне улицам, пока не сворачиваем на Теуфельштрассе, а оттуда на широкую, густо застроенную Кайзеррам.

В машине тихо от табачного дыма; лицо бригадефрейенфера, как раз тогда, когда «хлост» въезжает на газлами и бескровные выискодав, что, несмотря на все самообладание, ночь дала ему неаюмо.

— Как Цоллер? — спрашиваю я. — Стрелянул с хлостом?

— В Потсдаме, — говорит Варбург и глубоко затягивается сигаретой. — Как, по-вашему, он изрядно мерзает? Сможем мы с ним столкаться?

— На джентльменах он не похож... Давайте забудем о нем, до вечера хотя бы. Лучше скажите, почему вы оказались в Берибурге? Дела, опала или отступ?

— По судоро бирвич причинам. Вас они не касаются.

Варбург прикрывает палецами и отворачивается к окну. Берлин, серый и сумрачный, бежит мимо нас: дома, дома, дворы, скверы, опята дома. Чужой город, архаичный, восторжествующий, выискодав, и боль-одиночества застывает его закрыты глаза.

Продолжение следует.

1 Дед-тайн (нежак. англ.) — премия смерти.

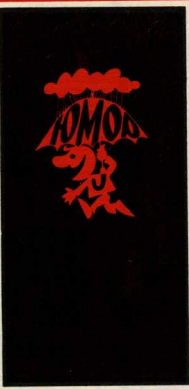

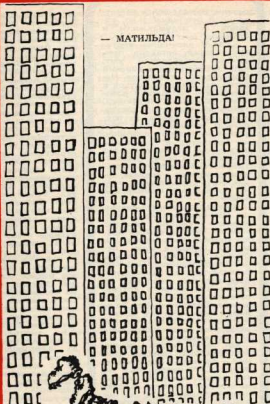
Рисунок Владимира Спелникова

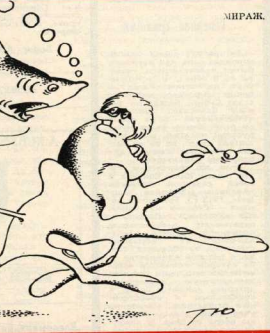
Рисунок Александра Кривых и Льва Гулькина

Рисунок Сергея Тюнина

МАМА

СМЕНЫ

(Продолжение. Начало см. в № 2.)

ВТОРОЙ ТУР

тив, где вы работаете или учитесь, а также в любой иной организации надо найти не менее шести человек, играющих в шахматы и имеющих в наличии шахматной классификации. Если участников наберется от шести до десяти, то им следует играть в два круга, то есть по два раза друг с другом. При односторонней и более шахматная игра проводится в один круг, то есть по одной партии между собой. Если проявить достаточную активность и организатору и самим участникам, то член турнира вполне может удивиться в дирекции неадекватно.

По окончании соревнования следует аккуратно вычитать таблицу результатов, в которой шахматисты составляются строго в порядке убывания мест, а это зависит от количества набранных очков. Итоговая таблица должна содержать фамилию, имя и отчество участника, набравших 6 и более процентов от общего количества участников, очки, и отписать жюри имена и фамилии на будущее.

Если кто-либо во время турнира захочет серьезно претендовать на получение медалей, то необходимо заранее написать заявление в адрес нашей редакции только в период с 20 мая по 10 июня с. г.

ВОТ ТАК ЗАДАЧА!

Рисунок Олега Теслера

Велые начинают и дают мат в два хода (2 балла).

ЭТОТ — ВСЕГДА КРАСИВО!

Велые начинают и выигрывают (4 балла).

КАК БЫ ВЫИГРАЛИ!

Ход черны. Могут ли они при наилучших действиях соперника добиться ничьей? (4 балла).

КТО ХОЧЕТ ПОЛУЧИТЬ РЯЗЯ!

Тысячи любителей шахматной игры, особенно самых юных читателей «Смены», по общему мнению, активно участвуют в «Взрывчатке» турнирах наших олимпиад. Хочется надеяться, что и в этот раз составление начинающим шахматистам пройдет успешно и помогут ряды спортивного разрядников. Простота такой турнирной задачи не так уж сложна. В коллед-

же 100 баллов будет принуждено участвовать олимпиады за проведение турнира новичков (сами организаторы, если у них нет разряда, играть не возбраняется), то кому удасться справиться с этим составлением, наибольшее количество баллов будут отмечены вместе с победителями олимпиады. А всем читателям, удачно сыгравшим в турнирах и выполнившим классификационный норматив, жюри вышлет справки с присвоением спортивного разряда.

Желаем, чтобы во всех письмах мы увидели оригиналы или копии турнирных таблиц. Но для читателя, кто по тем или иным причинам не сможет внести свой вклад в популяризацию шахмат, как было обусловлено, предоставляется возможность выложить комментарий, замечание и виде комментирования боевого материала. Текст ходов этой несложной, но острой и увлекательной шахматной задачи выглядит так:

1. e2—e4 e7—e5 2. Ke1—f3 Kf8—c6 3. Cf1—b5 f7—e6 4. Cb5—d4 Kf8—f6 5. d2—d4 e6—e6 6. 0-0 Cf8—e7 7. e4—e5 Kf6—e6 8. d4—d5 e7—e6 9. Sa6f4 d7—e6 10. Kf3d4 0—0 11. Kd1—c3 Kc5—b6 12. Kd4—f3 f7—f6 13. Cc1—d2 f6—e5 14. Kf2e7—F0f8e7 15. Jd2e3 Jf2e2 16. Cc3—e6 Sa6f6 17. Kf1f2 F0e7—e5 18. Kf2—f3 Kc5—f6 19. Cc2—f4 e7—e5 20. F0f1—e1 e3f4—21. Kf3—f3 f6—e8 22. F0e1—e1 Cb6—b5 23. Kf4—f4 Cb5—b4 24. Kf4f3—F0e5—c4. Велые сдались.

СВЕРЬТЕ СВОИ РЕШЕНИЯ

Приводим в сокращенном виде ответы на шахматные позиции, предложенные в чемпионате в первом турнире этой олимпиады.

Задача 1. e7—e8Kf7—b6 2. b7—a8 Kx: 1. Cd7—e8 f7—e6 2. Kd5—e6 3. Fc3—f3 4. Ff3—e2 1. Kf1—f2 2. f7—b6+ 2. Kf5—b5 3. Ff2—f3 4. Ff3—e2 5. e4—f5 e4—4. Jf3f1 Ca1—b1 6. Kf1—f1 7. f2—f3 8. Kf6—b7 F0e1—e7 7. Kf7—e6 F0g7—f6 мат. Фрагмент из партии 1. Cb8—c7 2. f2—f4 Cc7—b5 3. Kc6—c7 4. Kc7—c8 и черные легко добиваются победы.

ГОРЯЧИЙ МЕТАЛЛ

ТОВА ВМЕСТЕ, ПРИБЛИЖИ...

Слова Льва ОШАНИНА

Музыка Владимира ШАИНСКОГО

Пужи мне родной кусочек неба,
Покажи дела своего,
Да еще твою улыбку мне бы —
Больше мне не нужно ничего.

Припев:

Прекрасен лес, и поле, и цветы,
(2 раза)
Песчаный пляс и лодка у причала.
Но в мире нет прекрасной красоты,
(2 раза)
Чем красота горячего металла.

Ты не ранись вперед, чтоб все глядели,
Для всего придет своя пора,
Но зато в своем любимом деле
Непрерывно выйдя из мастера.

Припев.

Каждый вечер день уходит старый,
По-моему надо пить и жить,
А душа, ребята, не гитара,
На семь струн ее не уложить.

Припев.

КРОССВОРД

По горизонтали:

5. Танцовщица.
7. Советский поэт.
9. Город в Пермской области.
12. Консервированный соевый корм.
13. Советский скульптор, автор Лениныны.
14. Рынок в спортивных гимназах.
17. Детский писатель-сказочник.
19. Бас, народный артист СССР.
20. Трехэтажная ткань реального плетения с ворсом.
21. Стихотворение А. С. Пушкина.
22. Опера И. А. Римского-Корсакова.
23. Индийский писатель и общественный деятель.
25. Круг знаний, интересов.
26. Теплообменный аппарат двигателя внутреннего сгорания.
29. Остров в Зейском море.
30. Композиторы, авторы песни «Москва майская».
31. Инструмент для обработки металла.
34. Город во Владимирской области.
35. Советский прославист.
36. Ухудшение передвижки.

По вертикали:

1. Гимнастический многоборный чемпион Олимпийских игр, мира, Европы.
2. Звукотриллиционный материал.
3. Крепость-герой.
4. Русский писатель.
6. Герод в Приморском крае.
7. Старинный музыкальный инструмент.
8. Океанская зона.
10. Прибор для накопления электричества.
11. Способ расположения пальца при музыкальном исполнении.
15. Литературный кружок, в котором участвовал А. С. Пушкин.
16. Смесь углеводородов, получаемая из нефти.
18. Революция особой системы.
19. Музыкальный лад.
23. Народный артист СССР.
24. Фантазия на народные темы в музыке.
25. Разборка оборудования, аппаратуры.
27. Геологические работы на месторождениях полезных ископаемых.
28. Область распространения определенного вида растений, животных.
32. Осадочная горная порода.
33. Спортивный снаряд.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 6

По горизонтали:

7. «Кеңешба». 8. Валентин. 11. Аполло. 12. Тивер. 14. Дрофа. 15. Бейли. 16. Севетал. 18. Сатирис. 20. Астели. 23. Алма. 24. Базе. 25. Овал. 26. Рефратор. 27. Эпол. 29. Суак. 32. Свеча. 34. Корвал. 36. Вальбо. 37. Онгарно. 40. Сомей. 42. Колба. 43. Витали. 44. Скотин. 45. Черкасон. 46. Директор.

По вертикали:

1. Хейерда. 2. Стоя. 3. Обелис. 4. Канелла. 5. Денеб. 6. Виргиния. 9. Агил. 10. Нго. 11. Ариана. 15. Регата. 17. Ешанета. 19. Невруди. 21. Спортив. 22. Афра. 23. Лива. 28. Леонис. 30. Энтон. 31. Половец. 33. Горбатов. 35. Комаков. 36. Бордос. 38. Триво. 39. «Рус». 41. Дина. 42. Кизил.

Составил
П. КОТОВ,
г. Москва

ВРЕМЯ УБИТОЕ И СПАСЕННОЕ

Со стр. 21.

СЕГОДНЯ БУДЕТ БАЛ.

«ПЕСНЯ РУССКАЯ, ПЕСНЯ ПРИВЫЧНАЯ...»

ИГРАЕТ АНСАМБЛЬ НАРОДНЫХ ИНСТРУМЕНТОВ.

«ТАНЦУЙТЕ С НАМИ! ТАНЦУЙТЕ ЛУЧШЕ НАС!»

